

ДЕМ МИХАЙЛОВ

ИНФЕР 7

Дымный путь на север...

Инфериор

Дем Михайлов

Инфер 7

«Автор»

2022

Михайлов Д.

Инфер 7 / Д. Михайлов — «Автор», 2022 — (Инфериор)

Мутатерр... Огромная территория внутри глобального убежища Формоз. Здесь нет правил, здесь царит системный сумрак, здесь выживают сильнейшие. Оказавшись в Мутатерре гоблин Оди, с жалкими остатками разошедшегося в разные стороны отряда, вынужден задержаться в этом месте, чтобы набрать и обучить новых бойцов. И чтобы разобраться в секретах взрывных сундуков, стальных кубов Монолита, серых гигантах и беспричинной жестокости к бывшим заключенным со стертой памятью, коих насильно превращают в раздутых уродливых и почти беспомощных мутантов. Дрожит под ногами фальшивая земля, стонут сомкнутые плавучие города, рвутся на поверхность огромные твари... Героям придется пройти Мутатерр насквозь, чтобы вырваться за его пределы и оказаться на неизведанных землях Формоза... многие пытались это сделать. Но еще никому не удалось... Тут главное слишком сильно не шуметь... ведь если привлечешь к себе внимание, то может и идти никуда не придется – смерть явится за тобой сама... Книги цикла Низший-Инфер в печатном варианте! Процесс продолжается) <https://forum.dem-mikhailov.ru/dbtech-escommerce/categories/mir-nizshego.39/> В книге присутствует нецензурная брань!

© Михайлов Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дем Михайлов
Инфер 7
Цикл: Инфериор
Книга седьмая
Исправленная версия

Глава первая

– Расскажи о себе, герой, – попросил меня подошедший к столу дедушка с лучистой мудрой улыбкой.

– Пошел нахер, – ответил я, и заглянувший в мои глаза старик с резко полинявшей улыбкой поспешно захромал прочь, поняв, что со мной эта игра не прокатит.

Судя по нашитым на его майку кружкам фольги и по рассказам консьюери, старик был из заслуженных работяг лагеря Садов Мутатерра. Ну да... конечно. Чтобы обычный усталый и кристально трезвый запуганный жизнью работяга по собственному желанию вдруг решил поиграть с судьбой и сунулся к злобному боевому гоблину...

– Чем ты сильнее и везучей... тем больше люда к тебе придет с расспросами и предложениями, – глянув ему вслед, заметил Хорхе. – Я знаю... я ведь многое знаю... и раньше знал... и все равно постоянно гадаю, почему у меня тогда не получилось с тем небоскребом? Хотя, глядя на тебя, уже догадываюсь... Я был слишком мягок и добр. Я сочувствовал чужим бедам...

– Ты позволял срать себе на голову, гоблин, – ответил я, вставая из-за стола и делая отмашку бегущим за стеной барака недомутам.

Они с облегчением попадали, а пропыленная насквозь Ссака закинула на плечо ту самую дистрофичную суку с кровавым поносом и понесла к баракам. Та отрубилась еще в падении, болтаясь грязной тряпкой на плече наемницы и не осознавая, какая великая честь ей оказана.

– Срать себе на голову? – повторил Хорхе. – А разве не жесткость главнее?

– Жесткий как раз тот, кто не позволяет засирать себе голову всяким хренососам. Это главный принцип, Хорхе. Принцип, что порождает все остальные – не позволяй срать себе на голову! Иначе тебя зальют ложной слезливостью и завалят тоннами причин, почему твой приказ не был выполнен. И стоит тебе дать понять, что ты принимаешь такую причину... тебе конец. Но как только ленивые ублюдки поймут, что с тобой это не прокатывает, что ты даже слушать не будешь их никчемные отмазки, а просто пнешь в улыбающуюся харю и вернешь ленивого ублюдка обратно к работе... вот тогда у тебя все получится. Но если ты хоть раз дашь слабину и пожалеешь одного упырка... придет день, и этот членосос явится, чтобы сбросить тебя с трона и наступить тебе на глотку... Не верь, не проси, а приказывай и заставляй! И при этом не держи рядом с собой ничего не хотящих слабаков. Прогоняй таких или убивай. Но не держи рядом с собой тех, кому не надо ничего кроме миски с теплой кашей хотя бы раз в день. Не держи и тех, кто постоянно советует не рисковать и довольствоваться уже имеющимся. В жопу смиренных и умеренных. Те, кто не чувствует жажду к жизни, те, кто ничего не желает от этой жизни, кто боится даже малого риска... они и делать ничего не захотят. Проще сидеть на жопе в пыли и с проникновенной улыбкой ложного пророка срать в головы тупорылым дебилам, что тоже быстро перестают куда-то рваться и чего-то хотеть от жизни. Понял?

– Понял. Вот она – соль жизни, сеньор?

– Вот тебе мой четкий приказ с пояснением, гоблин. Следуй ему!

– Я не хочу покидать тебя, команданте. Твой приказ выполню, но оставаться здесь и смотреть, как ты уходишь дальше... в другие земли и в другие миры... душе будет больно...

Я растянул губы в откровенной насмешливой улыбке:

– Душе?

– Ну не жопе же, сеньор.

– А я и не говорил, что ты останешься здесь править долго и счастливо, гоблин. Хер тебе. Погреешь жопу на здешнем троне ровно до той секунды, когда нам это станет ненужно. И двинемся дальше. Но пока я кружу вокруг Форта Славы как растерявший кишки хромо́й пес, мне нужно быть уверенным, что всегда есть куда вернуться. И что меня не встретит выпущенная в лоб пуля. Понял?

– Я понял, команданте. Восхождение к власти дело небыстрое. Мы задержимся тут надолго? Тогда надо еще один барак, не помешает поставить пару навесов для техники во внутреннем дворе. Купить и установить защитные щиты – старожилы мудро фыркают жопами и пророчат еще одну пыльную бурю.

– Вот и занимайся. А насчет сроков не переживай, Хорхе – я не привык долго оставаться на одном и том же месте. Да и нельзя. Где-то там шагает смерть, а к ней рвутся еще минимум три отряда, не считая наш.

– Три? Каппа понятно, а...

– Кевин, – ответил я, спускаясь по лестнице. – Кевин выяснит природу Эдиты. Не знаю как быстро, но... вряд ли Кевин все еще в Дублине. Скорей всего, там уже недосчитались под сотню никчемных уличных ушлепков и списали все на прожорливых крыс. Не знаю, пойдет ли он напрямую, но... он все равно двинется к центру. Третий отряд – голубоглазый ублюдок, что вылез из Окраины. Хотя насчет него я не уверен на все сто. А может есть и четвертый самостоятельный игрок...

– Четвертый отряд?

– Не знаю. И это лишь смутная догадка из подкорки, – я постучал себя по правому виску. – Догадка без фактов... Но это как-то связано с Хураканом.

– Сурверское убежище?

– Кто-то оттуда, – кивнул я. – И снова – я не уверен. Даже если здесь и находится этот «кто-то из Хуракана» – на кой хрен ему рваться в центр? Чтобы сдохнуть от армии зомби? Скорей всего, его интересует что-то связанное с сурверами. А что именно – мы выясним, когда доберемся до ближайших из их проклятого рода. Поймай мне быстрого или колесного надежного гонца, Хорхе. Отправим послание.

– Гонцы тут разные, команданте. Нам куда отправлять?

– К сурверам.

– А? То есть – они, конечно, где-то тут... но адрес-то какой?

– Сучьи Сады Мутатерра.

– Это лагерь... – удивленно обронил Хорхе, – Обычный лагерь. Процентов десять людов, в три раза больше недомутов, а остальные муты. Откуда там взяться сурверам?

– Обычный лагерь, – кивнул я. – Ну да. Задумайся, Хорхе. Задумайся. Ты же сам бегал по моим приказам и собирал на них инфу. Самый молодой лагерь провозгласил себя коммуной. Что они выращивают, помнишь?

– Конечно! Три вида арахиса. Еще орехи омбард-мега и ново-уолнат. Продают огромную голубику и отпадные соевые бобы. Еще у них можно приобрести яблоки и груши – они собирают неплохой урожай с карликовых деревьев. Стоп... откуда у них столько гибридных гмо-растений? Да еще и с такой урожайностью, и с такой...

– Неприхотливостью и стойкостью, – продолжил я. – Да... откуда? Вот главный вопрос. Я знаю только один подвид живучих подземных гоблинов, обладающих такими сокровищами. И эти гоблины – не гномы. Дальше сам догадаешься?

– Сурверы...

– Точно. В свое время они угрохали сотни миллионов тогдашних песо на выведение новых устойчивых урожайных гибридов. Они готовились запереться на века в своих подземных кубышках и не собирались голодать. И все это богатство вдруг появилось в Садах – в развалинах пыльного Мутатерра, где всюду процветает мутантная флора и фауна. Ну да...

– Культурные растения просто одичали бы за такой срок. Вырождение. Или их задавила бы здешняя прожорливая жизнь.

– А если вся эта гибридная хрень и пережила бы столетия... орехами торговали бы все три лагеря. Специализация специализацией, но я не знаю дебилов, что отказались бы от полезных белковых и витаминных добавок к столу. Так что мы отправим короткое послание с приглашением на беседу. Дадим им чуток времени на дорогу... тут ведь недалеко?

– Маршрут в шесть километров. Дорога хреновая. Но если бегунов несколько, и они вооружены... час туда, а дальше... зависит от реакции получателей, сеньор. Вдруг они нетопливы...

– Вдруг, – рассмеялся я. – Вдруг...

* * *

Два часа – столько у меня заняла тренировка, которую я провел как для себя, так и для лейтенантов и Хорхе. Понимая, что бывший консьержи пока не в состоянии выдержать столько же, сколько матерые гоблины вроде нас, через час после начала я погнал его в душ, а затем велел прихватить с собой троих из валяющихся на полу недомутов, нагрузить их образцами ненужного нам товара и отправляться на более плотное знакомство с магазинами Форты Славы. А мы, оставшись втроем, еще час убивались, с натугой перекачивая с лейтенантами по очереди тяжеленную колесную пару от грузовой платформы. Катиться-то она катилась, но я, чтобы нам жизнь медом не казалась, хаотично разбросал по центру двора притащенные от стены крупные каменные обломки. Строителям барака они в свое время не пригодились, а вот нам вполне зашли...

Жизнь кажется куда ярче, когда ты, хрипя от перенапряжения, тяня за петлю веревки, чувствуя, как она режет уже воспаленную кожу ладоней, поднимаешь один из концов колесной пары, чтобы взгромоздить колесо на следующее препятствие. И какая же радость пронизывает жопу гоблина, когда качнувшееся колесо уходит вперед, а не скатывается назад... И какое же чувство злобного мерзкого ядовитого восторга ты испытываешь, когда докатываешь долбанную колесную пару до финиша и понимаешь, что теперь ты можешь отдохнуть и понаблюдать, как с этим гребаным снарядом будет корчиться кто-то другой, плюясь кровью из разбитых при частых падениях губ и сглатывая остатки вонючего воздуха из жопы. Вот она, жизнь – когда живешь через не могу! Когда, сука, тянешь и толкаешь уже даже не из последних сил, а заходишь за тот рубеж, когда работают не мускулы, а хрустящие кости, используемые как одноразовый рычаг – ломаются и похер, лишь бы докатить!

Каждый из нас троих перетаскивал, перекачивал, перенес эту колесную пару пятнадцать раз. Спотыкаясь, падая, разбивая лицо, потому что перенапряженные руки уже не могли выдержать вес тела. Но это только помогало – ткнешься гоблинской харей в покрытый потом и кровью кирпич и разом уходит сгустившийся было перед глазами туман. Вскрикиваешь злее, сильнее, яростнее... и опять налегаешь грудью на толстенную ось...

Когда мы сделали по пятнадцать проклятых ходок, я сделал еще одну. Шестнадцатую. Туда-обратно. И после последнего раза подняться я сумел не сразу. Пришлось полежать ничком, чувствуя, как на мокрой спине устроила пиршество мушиная стая и комарье. Все же встав, перешагивая через лежащих лейтов, я, раскачиваясь из стороны в сторону, направился к устроенной уже во дворе сдвоенной душевой кабине из установленного на каркас из тонких брев-

нышек пластикового бака с двумя шлангами. Встав под теплый напор мутной воды, я оперся спиной о стену барака, чтобы снять хоть немного нагрузки с дрожащих ног. Постоял так пару минут и только затем сумел поднять голову и обвести двор чуть прояснившимся взором. Двор был полон мутами и недомутами. Вроде как и несколько чужих людоедов затесалось в массовку зрителей – они оседлали одну из стен двора. Все молчали, явно по сию пору потрясенные устроенным нами представлением.

– Каждый... – ненадолго замолчав, чтобы переждать багровую темноту перед глазами, я подался вперед, уцепился израненной пятерней за бревно каркаса, высунул мокрую башку из-под струй воды. – Каждый из вас, кто протащит эту колесную пару через двор и обратно хотя бы раз... получит от меня специальный подарок злого гоблина. Каждый! Но чуда не ждите, упырки! Старый дырявый бронежилет, защитный шлем, рваная разгрузка, воняющие дохлой жопой штаны, зараженные грибок сапоги, может, несколько патронов с дробью... Тот, кто пройдет только половину дистанции – протащит через весь двор и бросит – тот получит четверть этого. Кусок ботинка... или один патрон...

– А почему только четверть, а не половину? – просипел широкоплечий парень с фигурой-грушей, разминая мускулистые руки и неспешно шагая к брошенной нами на финише колесной паре.

– Наполовину сделанное – нихера не сделанное, – проворчал я, подаваясь назад и уходя под отрезвляющую воду.

Постояв так еще секунд двадцать, поняв, что уже могу стоять достаточно твердо, перекрыл кран на коротком шланге и вышел из душевой, двинувшись ко входу в барак.

– Я попробую! – крикнул парень-груша.

– Пробуй...

– Мне бы ведро воды. Вымыть снаряд...

– Без мытья! – бросил я.

– Да она скользкая от оставленных вами крови, пота... слюны... и может, даже говна.

– Прямо как жизнь, да? – оскалился я с насмешкой, приостановившись на входе в барак. – Либо берись как есть – либо отваливай!

– Так ведь нечестно...

– Ты услышал меня, недомут?! – лязгнул я, разворачиваясь на пороге.

– Да... – парень подался назад, примиряюще выставив руки. – Все понял, босс. Говно и слюны не вытираем, смело налегаем лбом и тянем-толкаем до победного... или пока вылезшие от натуги кишки не зацепятся за камень... Так?

– Так... – кивнул я и глянул на пристроившегося за узким столом у окна мутанта Ватруху: – Наблюдай, запоминай, кто сколько смог.

– А если я сделаю две полные ходки?

– Получишь больше.

– А если я сделаю больше них? – парень кивнул на продолжающих лежать Ссаку и Рэка. – Или даже больше тебя? Я Мао Тяжеловес! Могу задушить матерого кропоса – и душил! А ты уже был усталым, когда начинал обниматься с этими колесами... Так что я готов попытаться прямо сейчас!

– Сделаешь больше меня – получишь исправный автомат и два полных магазина... Мао Тяжеловес... Если не сделаешь – то никакой награды. А в качестве штрафа натаскаешь в душ полный бак воды.

Чуть подумав, парень-груша кивнул:

– Хорошо. Я начинаю! Только разомнись чутка...

– Начинай, – ухмыльнулся я и ткнул пальцем в Ватруху. – Он ведет счет! И если на него хоть кто-то попробует надавить наглой жопой... он эту жопу прострелит к херам! А еще

он принимает ставки от всех желающих. Десять процентов от ставок наши! Ставки как на колесную ось, так и на бои.

– Бои? – этот вопрос задало сразу несколько крайне заинтересованных голосов, и все они доносились со стен.

– Бои, – подтвердил я. – Этой ночью начало. Ватруха...

– Я тебя слышал, босс. Я ведь на самом деле прострелю любую наглую жопу, – предупредил меня мут, опуская руку на лежащий на столе обрез. – Жахну так, что говно в стены влипнет...

– Жахни.

– Тут есть выносящий приговоры общий суд... присяжные там...

– Хер им, – буркнул я, опускаясь на стул и пытаясь стащить полные воды ботинки. – Перебьются без суда.

– Принято, – улыбнулся Ватруха и, сгребя в сторону какие-то мелкие детали, крикнул во двор: – Эй! Вы слышали босса Оди! Я принимаю ставки! И я же определяю ценность поставленного! Мао Тяжеловес собирается доказать свою силу и намеревается сделать семнадцать ходок с колесной осью! Кто верит – ставит на Мао! Кто не верит – ставит против! До начала десять минут, муты! Десять минут! Делайте ваши ставки, дамы и господа! Делайте ваши ставки!

Справившись с обувью, я вылил из нее остатки воды и пошлепал к своей койке. Когда в барак ввалилась шатающаяся Ссака, поманил ее, дождался, когда покрытая коркой грязи наемница рухнет у моих ног и прохрипит:

– Я за полотенчиком зашла... во мне что-то лопнуло... но точно не матка...

– Проследи за безопасностью Ватрухи.

– Букмекер умирает первым, да?

– Ага...

– Сделаю. А ты? А Рэк?

– Рэк пусть отмоеет сраку...

– Уже моет. Первый заполз в душ, падла. Потому я сюда и сунулась...

– Как домоет – одеться и за мной.

– А ты?

– А я за Хорхе, – улыбнулся я, тянясь за сухими штанами. – Пора пообщаться с деловыми мутами. Нам нужна шагающая техника. На одних колесах хер мы куда уедем в Мутатерре.

– Экзы... хотя бы рабочие экзы...

– Да, – кивнул я, с легкой тоской вспоминая Ночную Гадюку. – Хотя бы пару рабочих экзов...

– А еще нам нужен штатный лекарь, лид. Прямо нужен. Лопнувшую сраку я любому гоблину сама залатаю. И ненужную руку отхерачу. Но если что посерьезней случится... а у нас даже снабжения нет.

– Да, – согласился я, поднимаясь. – Штопальщик нужен. А лучше два... Посмотрим, чем нас сумеет душевно порадовать Форт Славы...

Застегнув пояс с кобурой, я прихватил заряженный планшет, накинул заштопанную куртку и неспешно зашагал к выходу. За моей спиной продолжал голосить Ватруха, уже начавший принимать ставки у гоблинов.

* * *

Добраться до оружейного магазина, где Хорхе, по его словам, уже успел навести кое-какие контакты третьей степени, а вторую и первую степени ну нахрен, я не успел – по вине самого консьюлиери. Едва мы с Рэком беспрепятственно вошли в узковатый дверной проем главного здания Форты и оказались в Т-образном холле, по лестнице слетел запыхавшийся

Хорхе. Найдя меня взглядом, он едва не бегом рванул ко мне и, уцепившись за мое плечо, придвинувшись вплотную и глотая слова, забормотал:

– Тут крайне важные люды хотят познакомиться с тобой поближе, лид... я сказал, что передам тебе и...

– Хорхе! – шикнул я, и вздрогнувший адъютант отшатнулся от моего уже мокрого от его дыхания уха. Вытерев пострадавший орган ладонью, я проворчал: – Ты суррогатная замена моего секса, что ли, Хорхе? Если так – ну нахер... вон Рэку оближи.

– А?! – выпучился Хорхе.

– Отвали! – зарычал орк. – Лизалку вырву!

– Да я и не собирался, сеньор!

– А тогда какого хера ухо мне лижешь? – осведомился я.

– Да я... ну чтобы никто лишний не услышал...

– Я же тебе говорил – всегда сохраняй долбаное спокойствие и трахнутое безразличие!

Понял, сын громких джунглей?

– Ну... я ведь обычно всегда...

– Не хочу тебя жизни учить, Хорхе...

Жестом велел им идти за мной, я круто повернулся и нацелился на то, что никак иначе, как странноватой барной стойкой, назвать было нельзя, и перегораживала она некий вместительный тупичок первого этажа – что-то вроде аппендикса, занятого огромной мутанткой с растущими на руках, плечах и голове гнойными шишками.

– От тебя совет всегда рад получить.

– Так вот тебе мой совет, гоблин – посрать, насколько крутые хренососы перекинулись с тобой парой слов и насколько щедрыми намеками порадовали. Все эти предварительные ласки могут и не перейти к траху. Тьфу... вот нахрена ты мне в ухо надышал жарко? Теперь думаю о вон той стройной...

– Да тебе давно бы пора, командир! – с заботой вздохнул орк. – Не жалеешь себя. Паучиха снится?

– Ее какого хрена вспомнил? – удивился я.

– Да я в то время думал, что она с нами уйдет.

– Паучиха родного логова не покинет, – усмехнулся я, проводив коротким взглядом стройную людку в красной футболке, и опять повернув голову к стойке. – Ты запомнил мои слова, Хорхе?

– Да, команданте. Прости.

– Эти сраные местечковые лидеры и первые богатеи пустоши считают, что одно только их внимание к тебе уже само по себе награда. И умеют поселить эту ложь в твою тупую голову – если позволишь им. Забей! Посрать, кто они! Пусть он даже суперверховный и трижды трахнутый самим Владыкой лидер Мутатерра – похер! При каждой его или их улыбке или ласковом слове и обещании ты должен ощущать только одно – глубокий похеризм, то есть не ощущать вообще ничего. И я ведь уже тебе пояснил причину, да?

– Потому что эти предварительные ласки могут и не перейти к...

– Верно, – с усмешкой кивнув, я облокотился о стойку, с облегчением убирая хотя бы часть своего веса с ощутимо подрагивающих ног. – Привет, уродина.

– И тебе того же, урод, – пренебрежительно фыркнула толстуха и со шлепком накрыла серым платком одну из лопнувших опухолей на левом предплечье, давя в зародыше гнойный поток. – Че жрать будете?

– Жрать? – с проснувшимся интересом я обозрел тупик за стойкой и обнаружил выпотрошенный торгмат, превращенный в подобие холодильника – немало полок и ящик со льдом внизу. Имелись и обычные длинные полки, заставленные от руки нарисованными картинками готовой еды. – А у тебя тут...

– Буфет Фитнесняшка! – широко и щербато улыбнулась толстуха и игриво подмигнула качнувшемуся орку. – Тебя угощу бесплатно, сладуся.

– Я... – проблеял Рэк, глядя на еще одну лопнувшую опухоль на левом плече толстухи и колыхающееся рядом с ней «перезрелое» вздутие. – Столько дел...

– Вечерком заглянешь если – пожарю мяса, налью стопку, – сальный взгляд толстухи скользнул по мускулистому торсу орка, прикрытому облегающей черной майкой. – И денег не спрошу...

Беззвучно рассмеявшись, я толкнул Хорхе к одному из высоких причем вполне настоящих барных табуретов с облезлой обшивкой – ощутив при этом странную ностальгию, что едва не превратилась в очередной флешбэк – а сам принялся изучать достаточно вмятые картинки. Выбрав понравившуюся, щелкнул пальцами, и толстуха, с крайней неохотой прервав свои гнойные пляски вокруг орка, шагнула ко мне:

– Выбрал че?

– Вон ту. Третья на второй полке, если считать снизу. Там еще стакан с чем-то красным.

– Яичница из трех яиц, порция жареного бекона, два хорошо обжаренных острых перца и половина лепешки. А к этому счастьем стоимостью в шесть песо прилагается стакан киселя или компота из сухофруктов.

– Двойную порцию, – кивнул я.

– Кисель или компот выбираешь?

– Компот.

– Мне то же самое! – вставил Хорхе.

– И мне, – рыкнул орк.

– Три двойные порции номера двенадцать, – повторила толстуха и со звоном опустила огромную сковородку на странно знакомый стальной куб.

Щелкнув чем-то под столом, она бросила на сковороду пару кусков желтоватого жира и вытянула ко мне руку, требовательно шевеля пальцами-сосисками. Одна из оказавшихся внизу опухолей оказалась над разогревающейся сковородкой, и увидевший это Хорхе поспешно зазвенел монетами.

– Оплата только в песо? – внешне равнодушно поинтересовался я.

– Только! – отрезала толстуха и ласково взглянула на орка. – Но могу сделать и исключение...

– За меня тоже заплати, Хорхе, – кашлянул удивительно притихший Рэк.

Пока адъютант рассчитывался, я с тем же равнодушием желающего просто убить время гоблина продолжил расспросы:

– А почему только в песо? Патроны не катят?

– Раньше катили, – пожала плечами толстуха и с яростью хлестнула себя по ноге полотенцем, прогоняя огромную черную муху, что упала на пол и тут же была раздавлена. Растерев слизь тапком, буфетчица поправила грязный фартук и с нескрываемым неудовольствием пропыхла: – Раньше все катило, если мне нравилось. Патроны, снаряжение, оружие... лекарства... кто откажется от уплаты болеутоляющим? Да за такое я всегда готова самого свежего мяса и сальца на сковородку докинуть щедро...

Я коротко кивнул, и Хорхе тут же опустил на стойку небольшой серебристый блистер. Через секунду лекарства исчезли, а еще через пять на сковороду упал здоровенный комочек мелко нарезанного мяса. С хрустом жуя таблетку, толстуха улыбнулась нам уже куда приветливей:

– Вот это дело... за подарок такой благодарствую. Раньше полегче было, а с новыми законами о единственной валюте внутри Форты стало куда хуже.

– Они придумали? – я глянул на потолок, и буфетчица кивнула:

– А кто еще?

– Да на кой хрен им песо дублинские? – удивился я. – Не торгуете же с Дублином. Война идет...

– Война на истребление! Ой... да мне-то что? Вот таблеточки появились – и хорошо. Следующие пару дней легко пройдут. Вам получше прожарить?

– Получше, – кивнул я, оценив исходящий от мяса запах. – И яиц побольше.

– Уж добавлю штуки три, – улыбнулась буфетчица, накрывая платком еще одно вздутие на руке. – Все сделаю, ребятки. Я ж думала, вы мне самое большое одну таблетку крошенную предложите, а тут вон как... Богатые, что ли?

– Что ли, – кивнул я. – И готовы купить многое. Крупнокалиберное оружие и автоматическое. Рабочую электронику. Солнечные панели. Ищем экзоскелеты. Думаем о шагоходах... Мы гоблины хоть и пришлые, но нам здесь нравится...

– Форт место солнечное, – согласилась буфетчица. – Сюда все стремятся. Все лучше, чем в лагерях горбатиться! Мне месяца на огородах хватило. Не разогнешься! Да и баба я деловая – сами видите.

– Видим, – согласился я, пытаюсь рассмотреть содержимое выпотрошенного торгмата. – А там что?

– Уже готовое. Яички и мясо вареное, есть и жаркое. Пара кастрюлек каши. Солености. Копчености. Говорю же – баба я деловитая. Мне б еще мужика справного, что любил крепко, целовал сладко, бил редко...

Поняв, что необъятная женщина опять атаковала орка, я повернулся к Хорхе и тихо сказал:

– Больше безразличия, Хорхе. А если тебя вдруг просят позвать меня к кому-то или куда-то, то отвечай всегда одинаково – передам боссу, как только найду время. Понял?

– Понял.

– Так ты хоть и признаешь свое подчиненное мне положение, но при этом четко дашь понять, что ты и сам гоблин занятой и деловой, а не слизь на побегушках.

– Понял.

– И не торопись меня звать, если дело не мегасрочное. Спокойно спустись с небесного сраного этажа, выпей кофейку, пройдишь по магазинам, заверши все свои дела – и только затем ищи меня. Понял?

Хорхе утвердительно кивнул.

– Что ты понял?

– Как только с тобой о важном захотят поговорить, я тебя найду, конечно, но торопиться не стану и...

– Нет, – возразил я. – Нихера ты не понял.

– Как это?

– Когда тебе скажут – а где гоблин Оди? Поговорить бы с ним...

– Ага...

– То ты тому ушлепку предложи поговорить с тобой. Ты ведь знаешь, гоблин, что тебе решать можно, а что нельзя. Ты ведь можешь и сам многое разрулить. Заодно укрепишь связи и получше узнаешь здешних воротил. А они привыкнут к тебе... и поймут, что многие дела куда быстрее и проще решать через тебя...

– Не подумал я... вернее, подумал, но решил, что не стоит делать такое за твоей спиной...

– Разрешаю, – кивнул я. – Действуй. Ты о другом лучше подумай – как глубоко мой ботинок окажется в твоей заднице, если мы сейчас поднимемся наверх, и окажется, что нас позвали, потому что мы броневики неправильно запарковали...

– Я все уяснил, сеньор.

– Неспеша жрем. Потом поднимаемся и осматриваемся, – вздохнул я, подтягивая к себе только что поставленные на стойку два стакана с компотом.

Не успел Хорхе взять два своих, как один я забрал себе. Понимающе кивнув, Хорхе порылся в поясной сумке и положил передо мной два исписанных листа, изобилующих не только буквами общего языка, но и цифрами.

– То, что нам готовы предложить в здешних лавках за трофейные дробовики, патронную мелочевку и прочее, – доложил Хорхе. – Самое жирное предложение я подчеркнул. Но вот этот мут намекает на какую-то дохлую тяжелую технику... надо бы глянуть...

– Надо глянуть, – согласился я, постукивая пальцем по пункту с потенциальной тяжелой техникой. – Ты предупредил того мута, что кухонные комбайны нас не интересуют?

– Конечно. Он уверяет, что его товар заинтересует любого героя Мутатерра.

– Героя, – поморщился я и хлебнул компота. – Неплохо... прямо неплохо... я про компот, а не про сраных героев...

Медленно цедя бурый компот, глядя, как толстуха пытается виться вокруг орка перезрелым мотыльком, я тихо произнес:

– Я понял, Хорхе.

– Лид?

– Вот и все, что нужно для сраного озарения, да, Хорхе? Потаскать по двору несколько центнеров колесной пары через препятствия, а затем сполоснуть жопу, выпить компота... и вот оно – простое ясное понимание сути... Универсальный рецепт озарения...

– Не понимаю, сеньор, – Хорхе подсел чуть поближе, втянул ноздрями запах жарящегося мяса. – Что не так?

– Я не отец... не родитель...

– Сочувствую, но разве еще поздно?

– Ты не понял. Я о том, что мне никогда не ощутить того, что чувствует настоящий отец. – буркнул я, отодвигая опустевший стакан и берясь за следующий. – Но... скажи мне, Хорхе... будь ты невероятно заботливым отцом-психопатом... ты бы позволил кучке боевых гоблинов войти в Формоз?

– О... так ведь она сбежала сюда, – Хорхе понизил голос до едва слышного бормотания. – Она захватила Формоз...

– Да, – согласился я. – Но я не спрашивал тебя про веселое бедокурство скальпированной дочурки... Ты как отец подпустил бы меня к месту, где живет твоя единственная дочь? Высший видит всю планету как собственный дом. А Формоз в его представлении – розовая спальня его любимого ангелочка. Правда в той спальне прорвало пару труб с говном и кипятком, но сути это не меняет – это большая спальня и одновременно игровая комната его дочери. Ты бы подпустил вооруженного дробовиком гоблина к спальне своей дочери, Хорхе?

– Нет! Никогда! Сам разберусь – это дело семейное!

– Именно, – кивнул я. – Это дело семейное. Чужаков в него не пускают. И уж точно не вызывают в качестве слесаря главного своего врага и того, кто уже однажды пытался перекрыть дочурке кислород.

– Но мы здесь...

– Мы здесь, – подтвердил я. – Мы в Формозе. И доставили нас сюда в веселых блестящих коробочках. Скажи мне, консьюеры Хорхе... что обычно отцы приносят внутри блестящих коробочек любимым дочерям?

– Э-э-э... ну... новый гаджет? Мягкую умную игрушку? Картину?

– Одним словом.

– Подарки!

– Подарки, – кивнул я. – Да... мы все, а особенно я – гребаные подарки для его дочери. Вернее, зачатки этих подарков.

– Опять не улавливаю, хотя и стараюсь.

– Мы предсказуемы, – терпеливо пояснил я. – Да у нас и выбора-то нет, если не хотим сдохнуть уже на сотом километре пути. Как мы поступим, узнав о нашем враге? Да даже если не узнаем о конкретной личности и просто решим двигаться к центру сквозь Мутатерр и лежащие за ним неизведанные территории... какими будут наши первые действия, солдат?

– Собрать и обучить отряд, озаботиться полноценным снабжением, обустроить временную базу, раздобыть транспорт и боевую технику, провести полноценную разведку... О мерде!

– Да... Мы соберем один или пару отрядов и пойдем к центру – убивать сраного спятившего ангелочка. И все это на фоне странно истеричных криков Высшего о том, чтобы я даже не смел и приближаться к его любимой дочери. Не захоти он, чтобы я опять стал угрозой для его дочери... он не задумываясь пошел бы на любой шаг.

– Ракетный удар, пока нас в контейнерах доставляли из убежища в убежища?

– Зачем? – усмехнулся я. – Куда проще душевно пообщаться с Камальдулой. Высшему всегда есть что предложить. И он умеет делать предложения, от которых нельзя отказаться. Нас бы просто не стали размораживать, Хорхе. Ведь все стандартно. Высший даже не стал бы забирать меня от Камальдулы. Протокол известен и многократно отработан – стереть память, погрузить в холодный сон до востребования лет так через триста...

– Мерде...

– Но мы здесь. Мы внутри необъятной спальни его дочери. И когда Рэк вдруг вспомнил паучиху... я понял, что Эдита – та же самая паучиха. Только классом выше. Системная ведьма-паучиха-королева-зомбо-сука со второй личностью в заливке... Умна от рождения, начала образование еще в материнском чреве, пережила столько дерьма, что не могла не стать конченным параноиком, организована, умеет ставить цели, ничего не отпускает на волю случая. У нее повсюду прокинуты сторожевые нити... Короче... любому трахнутому тунцу понятно – кроме меня, похоже – что системная ведьмосука Эдита уже в курсе нашего здесь появления. Она знает, Хорхе. О нашем здесь появлении ей сообщили тут же. Да ей наперегонки спешили рассказать об этом сразу двое – сам Высший и здешняя Управляющая. Первый спешил сообщить о желанных подарочках от папочки. Играйся на здоровье, доченька. Не обижайся на папочку – папочка тебя любит. А Управляющая... да... Эдита заняла ее место, и, само собой, для властной системы это как кол в жопу. Невыносимо... и хер забудешь. Вот только я опять кое-чего не учел – система бессмертна, Хорхе. Это машина. И она умеет ждать. Уверен, что Управляющая уже сделала немало расчетов на тему «а когда же сдохнет долбанная Эдита?». И вероятность такого развития событий хоть и мала... она все же есть. Система умеет ждать.

– Но зачем говорить о нас Эдите?

– Взвешивание дерьма и пряников, – усмехнулся я. – Знаешь такие старинные весы с двумя чашами?

– Богиня правосудия, что всегда за женщин? Фемина вроде как... слышал что-то, – закивал Хорхе.

– Может быть, – хмыкнул я. – Если положить на одну чашу килограмм дерьма, а на другую кило пряников – какая чаша перевесит?

– Ну... никакая, ведь и там и там...

– Дерьмо! – рыкнул я. – Килограмм дерьма всегда перевесит кило пряников, Хорхе!

– Почему?

– Потому что дерьмо воняет! Управляющая не может не понимать – даже если Эдита не в курсе сейчас, однажды она узнает! И первым делом она подтянет к себе за электронную сиську перепуганную Управляющую и спросит – а какого хера? Знала? И молчала? Наказание последует тут же и будет страшным. Учитывая системную тягу к выживанию... Управляющая не станет рисковать своей жопой ради гоблинов, что может и вернуть ей трон Формоза, а может и сдохнуть на третьем шаге от Дублина... Понял, Хорхе?

– Понял, лид. Мы в жопе.

– Мы всегда в жопе, – рыкнул Рэк. – Жратва готова! Тебе поподжаристей, командир!
– Давай сюда, – выбросив лапу, я уцепился за край вместительной миски и подтянул к себе горку жареного мяса с салом, прикрытую яичницей. – Где моя лепешка?!

– Несу, – донеслось из-за стойки. – И овощей нарежу. Надо же таблетки какие хорошие – нигде не болит...

Пока я запихивал в пасть вилку с наколотым мясом, стараясь не упустить даже капли жира и желтка, Хорхе, зависнув над своей тарелкой, недоуменно моргал:

– Но тогда зачем мы здесь?

– Игрушки, – прочавкал я. – Мы игрушки, Хорхе. Я же сказал – Эдита пережила так много...

– Что стала параноиком. Это я понял. Но...

– И после пережитого обычная жизнь не может не показаться серой и неинтересной, – сипло проворчал я, отдуваясь после проглоченной жратвы. – Скучно ей, Хорхе! Это первое, что приходит мне на ум. А еще она всегда была одержима проверкой стойкости выстроенных ею систем. Она построила тут безумную оборону, и мы видим лишь малую часть этой защиты. Даже здесь, в Мутатерре, мы видим не больше пяти процентов спрятанных ею закладок. Ядохмута... странная стойкость к зомбо-вирусу... а в Дублине наоборот – мгновенное обращение... Не верю, что все эти странности связаны с Эдитой. Что-то осталось с прошлых времен... и это – то, что нам нужно. Это дыры в обороне. Главное – распознать, какие дыры ведут к Эдите, а какие глубже в жопу... Она наблюдает за нами, Хорхе. Наблюдает прямо сейчас. Жуя мясо, знай – она смотрит тебе в спину.

– Тут нет полусфер.

– Нет, – согласился я. – Но тут полно живых наблюдателей. Пусть с задержкой, но ей регулярно передают инфу о нас. В том числе видео и аудио. Мы с тобой жрем и разговариваем, а она рассматривает записи, думает и продолжает муштровать своих солдатиков. Я так думаю... так говорит моя жопная чуйка, что очнулась после того, как я последний раз перетащил ту колесную пару через двор...

– И что делать?

– Для начала – быть менее предсказуемыми, – ответил я и ненадолго замолчал, жадно перемалывая челюстями очередную порцию хрустящего сочного мяса. – Прямо, сука, вкусно, а...

– Менее предсказуемыми...

– Придумал что-нибудь? – поинтересовался я.

– Ну... не ломиться напролом дальше? Задержаться здесь? Мерде! Это самое предсказуемое! Ведьма на это и рассчитывает.

– Конечно, – кивнул я. – Ей интересны вызовы. Повторюсь, Хорхе... ей бросил подарочный вызов Высший. Может быть, в попытке примирения. Помнишь, я рассказывал, что он все никак не мог меня найти и вот отыскала – во Франциске II. А на кой ему хрен отработанный материал вроде меня? Разве что в качестве примирительного подарка любимой дочурке?

– Это уже слишком, команданте.

– В их мире и в их мышлении нет ничего со словом «слишком»! – отрезал я. – Эти высшие сраные эльфийские небожители в свое время учили меня, Хорхе! Даже малышка Эдита учила меня – в свои годы она знала куда больше и была куда более... прагматичной. Они влежку решали и решают судьбы тысяч и тысяч гоблинов! У них нет слова «слишком»! Подарить обиженной дочке заклятого врага для веселых игр с кровавым финалом – да запросто! Лишь бы дочка улыбнулась впервые лет так за триста...

– Дерьмо... никогда не мог понять богатых.

– Богатые так не мыслят, – покачал я головой. – Так мыслят те, кто над богатыми и властными. Тончайшая прослойка истинных небожителей. Забудь о них. Как быть менее предсказуемыми, Хорхе?

– Скажи лучше ты, босс...

– Вариант первый и самый прагматичный – сваливать отсюда нахрен, – буркнул я, отодвигая пустую тарелку. – Еще порцию! Двойную! И еще два компота!

– Сделаю, милоч... сделаю, сладкий мой. Самогончика плеснуть стопку?

– Не...

– Сигаретку? Бункерснаб Блэк Делюкс. Хорошие! Фильтр позолочен. Всего песо за штуку, но вам отдам две за монету.

– Давай, – кивнул я и тут же получил две сигареты в прозрачном пакетике со следами гноя.

Вытряхнув курево, подкурил от подрагивающей в пальцах толстухи бензиновой зажигалки, мельком заметив знакомую эмблему некогда популярной на весь мир марки и, выдохнув струю серого дыма, продолжил:

– Если мы чуть задержимся, подкопим силы, наметим прорыв якобы глубже, а сами развернемся и по заранее разведанному маршруту ломанемся в обратную сторону... есть шанс. Что у нас на пути? Прослойка окраинного Мутатерра, Дублин, мертвые скалы, Гнойный Каньон, а за ним прибрежная Зона-40... и вот он, океан.

– Ты говорил, там полно тварей.

– Их и здесь полно. А дальше будет только хуже.

– А в океане что? На лодке?

– Там есть баржа, – пожал я плечами. – Опять же – можно и нужно проработать план. А потом сваливать отсюда нахрен. Если доберемся до берега – затеряться в сумрачных джунглях лет так на пять. Подготовиться... и вернуться на Формоз, чтобы продолжить веселую игру на кровавое выбывание.

– Запомню. Буду думать. Буду искать карты.

– Ага... – усмехнувшись, я сделал еще одну затяжку и уронил пепел в мутную стеклянную пепельницу с идущей по краю надписью «Свободный Оушен-сити 17». – Думай. Ищи.

– А еще варианты?

– Попытаться для теста залезть туда, где нас точно не ждут, – тихо ответил я и указал глазами на пол. – Сделать пару нестандартных ходов... Но это опасно. Очень опасно.

– Чем?

– Если все пойдет не так, как прогнозирует умная и жаждущая забавы ведьма... это может испугать девочку с изувеченной пытками психикой. И она пошлет сюда армию... Такую армию, что нас просто снесут и не заметят. Игры до тех пор игры, пока это весело, Хорхе.

– Как поступим?

– Прорабатывай все варианты и собирай инфу.

– Этим и занимаюсь, команданте. Но...

– Но?

– Там ведь та... девушка... ну...

– Превращенная в живой корсет? – я вдавил окуроч в пепельницу, пачкая пальцы пеплом. – Да... она там, если Управляющая не лжет. И что?

– Ну как... она ведь твоя...

– Я не из тех сучьих героев, Хорхе, кто бросает своих гоблинов в огонь ради спасения бывшей, – буркнул я. – Надо будет – оставлю вас в джунглях, а сам вернусь и двинусь к центру в одиночку, пока вы там готовите армию из вооруженных питонами макак... Прорабатывай все варианты. Вечером все обговорим еще раз в бараке. А теперь пожрем и...

– И пойдем наверх...

– И пойдем наверх, – согласился я. – Но только после того, как заглянем в магазины и посмотрим, что там за кухонные комбайны хотят нам впарить эти муты...

Глава вторая

– Я убиваю и за меньшее, – произнес я, не поворачивая головы и продолжая с легкой скорбью смотреть на привалившийся к стене тесного склада остов выпотрошенного экзоскелета.

За моей спиной послышался звук взведенного курка, а потом легкий тупой звук, когда Рэк с размаху ткнул стволом в седой затылок недомута.

– Ты зазываешь нас в гости... много говоришь... немало обещаешь... рассказываешь про надежный экзоскелет... а потом приводишь в сраный сортир и показываешь мне ржавую мертвую железяку... Ты потратил полчаса моей жизни. Сдохнуть захотел, упырок?

– Что вы, сэр! – перепугано взвыл не по возрасту седой недомут с единственной рукой, но зато с солидным горбом. – И в мыслях не было! Вы спросили товар – я показал товар!

– Это товар? – я кивнул на навсегда умерший экз, что представлял собой не более чем дырявый панцирь сожранного краба. – Тут нет даже проводки... Когда тебя спрашивали, нет ли в продаже рабочей шагающей техники, ты решил впарить нам вот этот кусок дерьма гражданского экзоскелета «СоцХэппи-73»?

– Я...

– Ты так решил?!

– Нет! Ошибся я! Ошибся! Возмещу!

– Возместишь чем? – заорал Рэк. – Чем, сука, возместишь?! Жопой своей жирной?! Трахать уже можно?! Можно, сука, трахать?!

– Я под защитой... угх!

От удара недомут влетел в один из стеллажей с такой силой, что тот накренился и упал на стену. С полок посыпалась всякая дребедень, начали биться стеклянные банки.

Отвернувшись от скорее пластикового чем стального трупа, давя ботинками стеклянное крошево, я подошел к лежащему на стеллаже стонущему торговцу и скорее даже с удивлением заинтересовался:

– О чем ты думал?

– Хер знает... – проскулил тот. – Вдруг бы прокатило? Я же многого не прошу за этот...

– Мусор?

– Товар! Товар! Я бы никогда! Слушайте... давайте уладим миром! Да, потратил ваше драгоценное время... ну так исправим... дам скидку в десять... нет! В двадцать процентов!

– Тридцать, – прошипел Хорхе, наклоняясь над торговцем и хватая того за ворот перешитого комбинезона. – Я же поверил тебе, урод! Ты сказал – нерабочее состояние! Но ты не сказал, что под корпусом экза так же пусто, как в твоём тупом черепе! Подставить меня решил перед лицом?!

– Т-тридцать! Т-тридцать процентов на разовую сделку! И десять процентов постоянная скидка как моим лучшим покупателям!

С трудом удержавшись, чтобы не взглянуть на меня, Хорхе обдумал предложение и медленно кивнул:

– И разовый подарок.

– Какой?

– Пять пачек болеутоляющего.

– Три! Больше не могу!

– Четыре...

– Да не найдется у меня больше! Три полных блистера и еще десятка полтора таблеток в пакете.

– Все и отдашь, – кивнул Хорхе и, ухватившись за воротник недомута, рывком поставил того на ноги. – Пошли... и помни, Космач – тебе сегодня крупно повезло! Больше не делай таких ошибок!

– Я никогда! Но и вы меня поймите – из этого экза можно сделать доспехи! Кираса! Шлем! Наколенники! И смотреться будет круто!

Еще раз глянув на останки «СоцХэппи-73», я кивнул, и правильно меня понявший Рэк убрал револьвер и взялся за мертвый экзоскелет.

Ладно... здесь мимо... идем дальше...

* * *

– Что это? – поинтересовался я, приняв хавшись к стакану, поданному хозяином торговой лавки с сохранившейся вывеской «Сувенирный магазин Оушен-сити-17».

Тот, упитанный колобок-люд, розовощекий, чистенький, прилизанный и в домашних клетчатых тапочках, сделал глоток своего зелья, посмаковал и пояснил:

– Травяной сбор. Мой личный рецепт. Бодрит! Тут чего только нет из благословенных травок Мутатерра!

– Благословенных? – Хорхе удивленно моргнул и глянул на шумно принимающего к своей чашке орка. – В этих землях есть что-то благословенное?

– Конечно! – убежденно ответил колобок по имени Бубс Манаро. – Это сейчас здесь ад. Но все ведь должно было быть иначе...

– Все должно было быть иначе, – повторил я и сделал небольшой глоток. – Вкусно... сладко...

– Дикий мед! – расплылся в улыбке колобок в клетчатых тапочках. – Находят редко. Добывают еще реже. Пчелы Мутатерра убивают быстро... Еще там листики и веточки столь же редко встречающегося рододендрона, немного молодой хвои, сурверский чай зеленый и черный... я потратил на составление этого рецепта долгие годы. Чистит сосуды! Молодит кишечник! Кто не хочет почистить сосуды и омолодить кишки, верно?

– Каждый день только об этом думаю, – буркнул я, делая еще глоток. – Продаешь этот микс?

– Конечно. Сорок песо за пятьдесят граммов заварки, – улыбнулся колобок Бубс.

Поперхнувшийся Хорхе едва не расплескал драгоценный отвар и возмущенно захрипел:

– Да за такие деньги я отряд вооружу и накормлю!

– Вооружишь дубинами и накормишь падалью? – ласково спросил колобок.

Рассмеявшись, я допил свою долю и поднялся. Шагнув к выходу, велел:

– Установи торговые отношения с этой лавкой, Хорхе. Найдешь нас в правом коридоре.

– Сделаю, коменданте.

– И сбей цену на травяной микс.

– Сбить цену не дам, – улыбка колоска стала шире. – Но зато могу дать отменную скидку на сурверские небьющиеся походные термосы. Объем два литра, плоские, легко умещаются во внешнем кармане нормальных рюкзаков, которые у меня есть в продаже.

– А кто тебе поставляет чай и термосы, Бубс? – спросил я уже от выхода. – Только не юли...

– Хм... что-то внутри меня предостерегает от ложного ответа... Чай, термосы, рюкзаки и кое-что еще я покупаю у лагеря Сады Мутатерра. Чаще всего. Но иногда получается купить у счастливчика, вскрывшего неплохой взрывной сундук и сумевшего вернуться с добычей. Тебя устроил мой ответ?

– Да, – кивнул я и шагнул за решетчатую дверь лавки.

* * *

На верхний этаж мы поднялись по лестницам, проигнорировав лифтовую кабину, куда нас настойчиво направляла закутанная в воняющие дешевым одеколоном тряпки тщедушная крыса неопределенного пола и возрасты, с начесанной на половину лица челкой. Рэк порывался оторвать к херам эту волосяную штору, но потом отвлекся на изумленное созерцание устланных пусть старыми, но все же плотными и целыми коврами лестничных ступеней, что слегка пружинили под нашими ботинками. А поднявшись еще на один пролет, мы обнаружили на подоконниках и ступеньках кадки с цветущими растениями.

– Грязный гоблин всегда мечтает почувствовать себя живущим в цветочном раю эльфом, да? – изрекший это Хорхе глянул на меня, ожидая реакции.

– Ага, – усмехнулся я. – И не только. Вспомни джунгли. Мы все родом оттуда. И в далекие времена, когда из оружия у гоблинов были только сучковатые палки и засохшее дерьмо, их тощие жопы спасались от врагов в густых джунглях с их тяжелым запахом цветов и вонью гнили. Века прошли! Некогда спасительные джунгли вырубили под корень... Все живут в бетонных коробках, но тяга к некогда спасительным растениям осталась. Спрячь жопу за фикус, гоблин! Спрячь! Уставь цветами подоконник и боязливо смотри на мир из-за них... и не забудь полить сучий кактус...

Мы тихо рассмеялись, пересекая площадку с закрытыми дверьми, украшенными картинами с видами солнечных океанов.

– А еще пещеры! Это прямо рай для гоблинов! – заметил Хорхе.

– И пещеры, – кивнул я, оглядывая надежно защищенную стенами и решетками на окнах лестничную клетку. – Да... гоблины любят пещеры. Но чем сильнее любишь пещеры... тем сильнее ты долбаный гном. Гоблин тварь бродячая и почти кочевая.

– Вам сюда, – прошептала фигура с косым начесом на харю, обеими руками указывая на приветственно открытые двери и опять умудрившись остаться бесполом существом.

Миновав subtilное существо, мы оказались в просторном холле с широкими и, что удивительно, уцелевшими деревянными дверьми. Понятно, что искусная имитация под цельное дерево, но они были целыми, полированными и натертыми до блеска. Поблескивали даже металлические дверные ручки. Синяя длинная ковровая дорожка тянулась по идущему к самым широким и тоже распахнутым дверям коридору.

Да... это здание было без сомнения главным административным центром. Скромное снаружи – обычная коробка – но с определенной роскошью внутри, коя должна была показать любому из явившихся на прием гоблину, насколько все здесь серьезно и богато. А просторные офисы, что прячутся за деревянными полированными дверями, должны окончательно в этом убедить...

Миновав половину коридора, я наконец увидел еще одну лестницу справа и свернул туда, сцапав Хорхе за плечо и потащив за собой.

– Вам не туда! – изумленно пискнуло существо с начесом, запнувшись о ковер и едва не упав. – Не туда!

– Сладкий крепкий кофе, хорошую сигару и дельного собеседника, – буркнул я, поднимаясь навстречу приоткрытой двери, охраняемой двумя насторожившимися гоблинами.

– А сюда нельзя, – удивленно кашлянул молодой охранник-люд.

– Ага, – кивнул я, проходя мимо.

Молодой дернулся было ко мне, но его перехватил второй постарше и коротко кивнул мне:

– Оттуда отличный вид на Мутатерр, мистер.

– Везде найдется свой Обсервер, – усмехнулся я в ответ и, успев заметить несколько характерных шрамов на его шее и лице, добавил: – Когда надоест охранять двери и захочешь повоевать – найди меня.

– Благодарю, – коротко ответил тот, и в его голосе я услышал отчетливое сожаление.

Сразу ясно, что он бы и хотел, вот прямо хотел бы, но уже есть своя пещерка, родная баба под боком, немного накопившегося барахла и робкие планы на будущее. Кончено. Этот уже спекся и постарается и дальше служить дверным охранником, старательно скрывая грызущую его изнутри тоску.

Крыша встретила всем те же искусственным солнечным светом и действительно неплохим обзором на ближайшие окрестности. Хотя я предпочту взглянуть на Мутатерр с места повыше, а не с верхушки этой дешевой позолоченной трибуны. А это трибуна. Видно по вон тому выдающемуся за край крепкому настилу с ограждением и прикрытыми пластиком удобными креслами. Мотов и недомотов надо регулярно воодушевлять горячими спичками и щедрыми подарками. Иначе им надоест постоянно рисковать жопами в погоне за взрывными сундуками, и они задумаются о том, стоит ли оно того или проще посвятить себя работе на огородах.

Трибуна меня не заинтересовала. Сориентировавшись, я подхватил одно из металлических креслиц, другой лапой поднял круглый столик из канувшей в лету кафешки и оттащил их на край крыши. Схватив за жирную шею занявшего козырное место упырка, оттолкнул его в сторону, поставил стул, глянул по сторонам... примолкшие ушлепки поспешно рассосались, создав желаемую мной зону вакуума, что продолжала расширяться. Усевшись, глянул вниз и удовлетворенно кивнул – наш барак и внутренний двор прямо подо мной.

– Эй, гоблины! – рявкнул я, и движуха во дворе ненадолго замерла. – Ну что там с моим рекордом? Мао Тяжеловес справился?

Через пару секунд я увидел высунувшую во двор руку Ватрухи, что явно не спешил вытащить свою уродливую тушу на солнцепек, а следом послышался его трубный рев:

– Мао облажался, босс! Обосрался по-крупному! Четырнадцать ходок!

– Я смогу больше! – вопль донесся из прикрытого драным навесом угла двора, где Хорхе складировал всякий могущий пригодиться однажды мусор вроде рваных покрышек. – Я смогу! Смогу!

– Слов много, реальных дел мало! – возразил Ватруха. – Босс! Ты смотришь?

– Да!

– Двое тощих, но крепких недомотов грозятся сделать пятнадцать ходок и побить малый рекорд Мао! Будет интересно! Ставки! Делаем ставки, дамы, господа и уроды Мутатерра! Делаем ставки! Босс! Ставишь?

– Да! – крикнул я. – Ставлю на то, что ни один из недомотов не справится!

– Они жилистые, босс!

– Похер!

– Принято!

– Что насчет призовых за одну ходку?

– Пятеро осилили, но у одного лопнула жопа! Еще семеро облажались, но попросили второй шанс! Давать?

– Как только подметут двор и уберут мусор! – крикнул я.

– Есть! Вы слышали боевого босса и главного гоблина Оди, упырки! Вам дан второй шанс, но его надо заслужить! Беритесь за метлы!

Убедившись, что начавшая было утихать движуха оживилась, я замолчал и погрузился в наблюдение. При этом я сидел так, что меня мог видеть каждый из собравшихся внизу. Гомон сменился ревом, когда высокий и нескладный, но очень жилистый хромающий недомут с раздутой ниже колена правой ногой взялся за колесную пару и покатил ее к полосе препятствий.

На стены двора лезли новые наблюдатели, и я знал, что уже сегодня к вечеру на стенах не останется ни одного свободного места. Особенно когда начнутся бои.

Как привлечь в свои ряды сильных и боевитых гоблинов, но так, чтобы не бегать в их поисках по грязным развалинам? Правильно – их надо заманить. Одна проблема – они явятся в составе толпы, что всегда жадна до ставок, легких денег и дармового развлечения. Так что придется выискивать, вычленять и убеждать, а затем обучать и ставить в строй.

– Собери под себя два десятка пряморуких гоблинов, Хорхе, – велел я, с края крыши глядя, как жилистый недомут с хриплым ревом поднимает одну сторону колесной пары, чтобы перекатить ее через препятствие. – Набирай с запасом – даже среди голодных гоблинов встречаются капризные твари.

– Знаю...

– Выбирай умных и желающих обучаться. Создай из набранного сброда четыре малые бригады.

– Так...

– Постепенно пополняй количество гоблинов в каждой бригаде, не забывая выгребать ненужное капризное дерьмо. Наблюдай внимательно!

– Так...

– И введи их в вечный не меняющийся график.

– Какой?

– Первый день бригада занимается главными делами – готовит хавку для всего состава, моет посуду, готовит душевые, выгребает мусор. Что у нас с сортирами?

– Две ямы и обе полны до краев. Булькает и переливается...

– Найми мутов со стороны, и чтобы сегодня же ямы были пусты. Следом пусть выкопают три новых сортира там же. Чистота в приоритете, Хорхе!

– Принято.

– Нужно еще пять душевых кабин. Но проблема с водными баками...

– Я нашел в продаже цистерну с поливочной платформы. Дырок почти нет. Просят за нее немало. Но емкость отменная, сеньор.

– Торгуйся. Угрожай. Не переплачивай.

– Сделаю. Что по графику для бригад? Первый день бригада занимается главным делом. Дальше?

– На второй день бригада строит. Сортиры, душевые кабины, новый внутренний двор.

– Понял.

– На третий день эта бригада с утра планомерно уничтожается тобой сначала на стрельбище, где они отрабатывают стрельбу из дробовиков и револьверов или пистолетов. Плюс метают камни в качестве будущих гранат и коктейлей Молотова. Следом отработка действий с защитной экипировкой, с полицейскими щитами, с тесаками и топорами. Потом чистка оружия и приведение в порядок всей снаряги. Следом обед и короткий сон. А затем убойная силовая тренировка. После этого они свободны. Четвертый день – отдых до вечера. Вечером – помощь той бригаде, что занимается основным делом. Приготовление пищи и... ну ты понял. Все четыре бригады следуют друг за другом в бесконечном четырехдневном цикле.

– Все уяснил, сеньор. Ого...

– Сразу ответь – справишься или нет?

– Справлюсь.

– Все надо сделать быстро. Набрать бригады, запихнуть их в график, начать их обучать, одновременно справляясь с непокорными и подыскивая тех, кто сможет заменить тебя хоть в чем-то, как ты заменяешь меня.

– Справлюсь.

– Помощников ищи в первую очередь.

– Сделаю.

– Первые тренировки для бригад тебе поможет провести либо Рэк, либо Ссака. Не забывай – тебе еще бегать по территории Форта и продолжать устанавливать те самые тесные важные связи, от которых мне плевать хочется.

– Спасибо, – серьезно кивнул консильери. – Без помощи загнись. Мао Тяжеловес...

– Что с ним?

– Его хочу забрать себе.

– Забирай, – кивнул я. – Ты понял, чего я от тебя хочу, Хорхе? Или мне прояснить?

– Поясни, лид. На всякий случай...

– Ты должен создать для меня зубастых и злобных обозников, что на средней и короткой дистанции смогут дать предельно жесткий отпор, сохранив при этом свой состав и не отдав наш походный арсенал, медблок, запчасти для техники и прочее.

– Теперь понял.

– Ищи пулемет! И помни – ищешь для себя, Хорхе!

– Найду.

– И не забывай прикармливать того мута на наблюдательной вышке, – я указал глазами на покачивающуюся вышку.

– Перетащить его к нам?

– Позднее. Пока пусть привыкает к регулярной кормежке и продолжает приглядывать – мы ведь чаще всего оттуда возвращаемся с Мутатерра.

– Прикрытие меткого стрелка не помешает, – правильно понял меня Хорхе.

– Ага, – кивнул я. – Особенно когда на пятках сидит голодная свора тварей, а у нас на руках раненые. Не забывай снабжать его патронами.

– Все понял, лид. Еще указания?

– Справься пока с этим. К полуночи хочу увидеть уже набранную первую бригаду. А с утра – в дело их!

– Принято.

– Добрый день, господа, – уверенный в себе и при этом доброжелательный голос послышался издалека, и я едва слышно одобрительно хмыкнул, мысленно записывая крохотный плюс в пользу идущего к нам незнакомца, загодя давшего понять о своем появлении.

Не скрывая своего интереса, я поочередно оценил взглядом каждого из тех, кто неспешно шагал к нам по крыше административного здания. Двое мужчин. Две женщины. Все четверо люди. Всем за пятьдесят. Все чем-то неуловимо похожи друг на друга – хотя бы шрамами на руках, лицах и шеех. Остальные части тела скрыты под демонстративно легкой одеждой, но уверен, что шрамы есть и там. Кем бы ни являлись сейчас правители Форты Славы, но раньше они не раз бывали в диком Мутатерре. И не раз сталкивались там с опасностью.

Что ж – уже хорошо.

Куда легче достучаться до тех, кто бывал в деле, кому опасность дышала в лицо, а смерть трогала за жопу. Такие не потребуют невозможного и с такими проще договориться. А я уже понял, что от нас – отряда пришлых гоблинов – хотели что-то если и не потребовать, то попросить в обмен на несомненно щедрое вознаграждение. Это читалось в едва заметно улыбающихся глазах приблизившейся четверки. Заглянув в синие глаза подошедшей последней коротко стриженной седоволосой женщины, я качнул головой в сторону высящихся с севера разрушенных зданий и произнес:

– Тебе, синеглазая, лучше не гулять по северному Мутатерру какое-то время, если не хочешь, чтобы тебе вынули глаза.

Замерев на полушаге, седовласая взглядела мне в лицо и медленно кивнула:

– Ты не шутишь. И я помню, что Маруна Охотница синеглаза... была синеглазой.

– Ага.

– Кто-то охотится за синими глазами? – удивленно спросил полноватый, но все еще крепкий мужик в белой рубашке и серых просторных штанах. – Спятивший чужак?

– Именно так, – кивнул я. – Спятивший чужак.

– Расскажешь подробней?

– Нет смысла. Скорей всего, он уже ушел дальше на север.

– Значит, он уже мертв, – удовлетворенно кивнула вторая женщина, могущая похвастаться невероятно большим носом.

– Я бы не это ставить не стал, – улыбнулся я и коротко ткнул Хорхе локтем. – Эй, консьюльери. Я сюда пришел кофе выпить. И тебя послушать.

– Ах да, – ожил Хорхе и, медленно поднявшись, широко улыбнулся. – Усаживайтесь, дамы и господа. Рады встрече и знакомству. Я Хорхе. Личный адъютант команданте Оди и его правая рука во многих делах. Понимаю, что у всех у нас времени в обрез, так что, может, сразу перейдем к делу?

– Было бы здорово, – улынулась синеглазая, задумчиво переводя взгляд с меня на Хорхе и обратно. – И что-то подсказывает мне, что куда проще все обсудить именно с тобой, помощник Хорхе...

– Вы мудры, сеньора, – улыбка Хорхе сверкнула ярче, но не стала от этого заискивающей или угодливой. – Итак, чем можем помочь? И самое главное – сколько вы готовы за это заплатить? – поймав взглядом недовольное выражение лица до этого молчавшего гоблина в синей футболке, консьюльери развел руками. – Или сначала познакомимся поближе?

– Поближе, – с готовностью поддержал гоблин в синем. – Вы вообще кто? Откуда? Зачем? Мы ни к кому в душу не лезем, но когда вдруг прибывает отряд вооруженных дерзких чужаков, что с ходу начинают вскрывать малые взрывные сундуки и нанимать мутлов... сами понимаете. Так что... да... не помешает познакомиться поближе.

– С радостью! – расцвел Хорхе. – А вот и кофе как раз несут...

Поднявшись, я кивнул помощнику:

– Ты поясни. А я пока чуток пройдуся...

– Ого, – удивленно буркнул тот, что в белой рубашке. – А это не перебор по наглости и...

– Тише, Кон, – мягко произнесла синеглазая, успокаивающе опуская ладонь ему на плечо. – Мы ведь уже обсуждали и не раз. Все люди разные. И никто не обязан соблюдать устраивающий нас этикет. Вот Хорхе. Улыбчив, дипломатичен, готов что-то рассказать и готов выслушать. Тебе мало?

Тот что-то ответил, но я уже не слушал. Забрав у девушки с подносом один из стаканов с кофе, я двинулся по периметру крыши, вслушиваясь в доносящиеся снизу крики, вглядываясь в городские руины и пытаюсь понять, насколько долго нам придется здесь задержаться. Я прошел почти половину пути, когда заметилдвигающуюся к Форту Славы машину. Грузный большой электропикап некогда серебристого цвета. И шел он аккуратно с той стороны, откуда я и ждал гостей.

Посланцы Садов Мутатерра прибыли.

И с ними, похоже, придется общаться именно мне.

Допив кофе, я поставил стакан на один из столиков и с края крыши прыгнул вниз. Пролетев этаж, приземлился на крохотный козырек над окном, откуда прыгнул дальше и левее, не промахнувшись мимо еще одного выступа. Следующим пунктом назначения стала крыша одного из барачков. Морщась от рвущей мышцы ног боли, я пробежал всю длинную крышу и прыгнул еще раз, приземлившись в центре заваленного мешками грузового отсека.

– Владыка! – завопила сидевшая на мешках девка, подпрыгивая и для чего-то закрывая глаза.

– Не он, – возразил я и ударил ладонью по крыше пикапа. – Вы из Садов Мутатерра?

– Д-да...

– Я Оди, – широко улыбнулся я и сквозь заднее стекло уставился на лицо сидящего в кабине старика с тревожным взглядом. – Поболтаем, садоводы?

* * *

Высокий сухой старик, выглядящий скорее палочником, а не недомутом, с сипом втянув в легкие вонючий дым сигариллы, вместе с кашлем выдохнул все накопленное недовольство и легкий испуг:

– Не понимаю, с чего мы вдруг подорвались на просьбу этого незнакомца, леди Руха!

– Я никого ни о чем не просил, – возразил я, медленно обходя изношенную машину. – Не путай, старик.

Пикап выглядел именно что изношенным, а не потрепанным – как раз потрепанности в нем было ноль. Как и следов небрежного отношения к технике. Каждая дырка в корпусе заделана, каждая вмятина выправлена, фары защищены стальной решеткой, причем сделанной по размерам, массивный гоблинятник с шипами закреплен не декорации ради и, судя по следам на нем, уже не раз сталкивался с препятствиями живыми и мертвыми. Не обращая внимания на продолжающийся бубнеж старика с самокруткой, я подпрыгнул и убедился, что солнечные панели являются частью крыши и выглядят чистыми и работоспособными. Последнее, что я сделал – заглянул в шестиместную просторную кабину и глянул на органы управления. Ну да... Руль и одинокая педаль. Больше ничего – никаких приборов. Одиноко горит желтый огонек, говоря о частичной разряженности батарей. В Мутатерре не разгонишься, здесь нет светофоров, тут не нужны электронные навороты. Все что надо – это руль, педаль и индикатор батарей. Все отверстия в приборной доске – там, где раньше находились экраны – аккуратно заделаны пластиком. Но на сиденье рядом с водительским местом лежит подключенный к машине планшет в защитном чехле – для дополнительного мониторинга бортовых систем. Да...

Все предельно функционально, аскетично и надежно. От этой машины буквально воняло сурверами. Если раньше я еще сомневался, то теперь, рассмотрев пикап и его пассажиров, я окончательно убедился в своей правоте.

– Успокойся, Брушо! – вежливо, удивительно вежливо и при этом властно попросила сухонькая старушка, даря мне нейтральную улыбку, что показала прекрасно сохранившиеся белые зубы.

Еще одно подтверждение... да они практически и не скрываются – как замершие в тарелке вареных бобов черные тараканы. Хаваешь ложками не разбирая...

– Вы двое слеплены из местного говна, – кивнул я, поочередно указав пальцем на старика и сидящего за рулем темнокожего паренька. – А вот ты... – повернувшись к старухе, я медленно кивнул. – Ты сурвер. Потомственный. Получили мой привет?

Леди Руха доброжелательно улыбнулась:

– Скорее услышали что-то невнятное... и раз уж машина так и так должна была доставить в Форт фрукты и орехи, то я решила провести старых знакомых, кое-что приобрести и заодно поглядеть на загадочных чужаков, что с легкостью убивают здешних тварей и открывают взрывные сундуки. Вы уничтожили так много кропосов, что мы впервые за долгое время добрались до Форта без единой стычки и не потратили ни одного патрона.

– Кто вас прикрывал? – поинтересовался я, вглядываясь в далекие здания. – Пара метких стрелков засела на верхних этажах?

– Ты главный среди чужаков, мальчик? – выцветшие умные глаза вгляделись в меня, скользнули по майке и револьверной кобуре. – Уж прости, что так называю тебя, но с высоты прожитых мной лет...

– Молод и глуп! – скривился старик и языком перебросил сигариллу из одного уголка рта в другой. – Но выглядит жестким...

– Мальчик, – я тихо рассмеялся. – Какой уже раз, а? Какой уже раз подобные тебе седые детишки называют меня мальчиком... ты родилась под землей, бабка... и ты точно сурвер... ты буквально копия тех, кого я видел в Хуракане. Такая же чистенькая, вежливая, хитрая и считающая себя и себе подобных верхом сраной эволюции... Как вы выбрались наверх? Когда? Где ваше убежище? На территории Мутатерра? Под ним? Насколько глубоко? Как максимально быстро добраться до вашего убежища? Кто владеет пультом от главных дверей? Вы? Или система?

– Пстой! Пстой!

– Как зовут главного зрителя? Какому из ваших внутренних протоколов выживания вы следуете? После раскола в ваших ни хрена не священных крысиных рядах вы начали выдумывать собственные законы чуть ли не для каждого из убежищ... Как вы их там называли? Протокол Священной Весны? Протокол Единого Пути? Протокол Священные Следы Первых? КНТ-17 поправка 6? А может протокол Зеленых Записей? Ну? Говори, старая... говори! Кто-то из ваших носит взрывные пояса или ошейники? Как к вам относится система? Что о вас думает сраный Владыка?

– Святые двери главного входа да не будут вскрыты насильно, – вцепившись в край окна машины, старуха смотрела на меня застывшим взглядом. – Откуда ты...

– Вы не можете не быть изгоями в любом из убежищ... В каждую из Управляющих буквально вшита неприязнь к крысам-сурверам. Эта неприязнь и недоверие вшиты прямо в их нервные системы, и вам никогда не дождаться особых поблажек... но что я вижу – сурверы свободно разгуливают по Мутатерру... надо же... Ты ведь сурвер, бабка... ты старый сурвер, воняющий просроченной тушенкой Бункерснаба...

– Погоди... – в защитном жесте она выставила перед собой ладонь, и я умолк.

Не из послушания, а из предосторожности – старуха выглядела настолько потрясенной, что могла помереть в любой момент. Дам время ее нейронам чуток прийти в себя.

– Ты говоришь такое... ты смело произносишь вслух такие названия, о которых не ведают большинство... лишь старейшины знают, но и они не осмеливаются произнести крамольное...

– О-о, – я зло усмехнулся и чуть пригнулся, чтобы заглянуть в ее глаза. – Я пронял тебя, да? Серьезно пронял... Чем? Названиями протоколов? Что-нибудь слышала о Хуракане?

– Погоди! – это звучало уже почти сердито.

Сделав несколько глубоких вдохов, она оттолкнула шагнувшего к ней старика, что-то бросив ему на незнакомом мне языке. Открыв заднюю дверь машины, забрала с сиденья небольшую пластиковую бутылку, свинтила крышку и припала к горлышку. В воздухе разлился запах алкоголя. Хорошего алкоголя. Ненадолго оторвавшись, старуха сипло велела спутникам:

– Все как всегда! Продавайте! Покупайте нужное! Отдыхайте и ждите меня!

– Но... – старик нерешительно глянул на нее, потом на меня.

– Никаких «но»! – отрезала та и сделала еще один большой глоток. – И даже если этот недобрый джентльмен отрежет мне голову и начнет играть ею в мяч здесь во дворе – не вмешивайтесь! Возвращайтесь в лагерь!

– Леди Руха...

– Вперед! – буркнула старуха и успокаивающе улыбнулась мокрыми от крепкого алкоголя губами. – Все будет хорошо. Если бы он хотел причинить мне вред...

– То я бы встретил эту машину там, – я указал рукой на высящиеся заброшенные здания. – Заблокировал машину, взял вас живьем, попутно убрав возможное стрелковое прикрытие. И хорошенько допросил всех в любом подвале... Но я терпеливо ждал вас здесь. И только по одной причине я так добр...

– Не много ли ты на себя берешь... – встрял молодой, выглядя скорее рассержено, чем испугано.

– Тихо! – рявкнула на него старуха и махнула рукой. – Я что сказала?! Канон смирения уже не властен над вами?! Про почитание слов старших тоже забыли?!

Тронувшийся с места пикап показал, что кое-какие каноны эти лагерники еще помнят, хотя вряд ли почитают, судя по их расстроенным родам. Проводив их взглядом, старуха протянула мне бутылку и поинтересовалась:

– Так почему не встретил нас в Мутатерре? Почему так терпелив?

– Шустрый Хорхе накопал немало инфы, – усмехнулся я и, взяв бутылку, сделал небольшой глоток, после чего указал взглядом на приткнувшуюся у бетонной стены старую каменную скамью.

– Хорхе?

– Мой... советник, помощник, адъютант... расторопный умный гоблин...

– Гоблин... это еще что за кличка?

– Гоблин – не кличка, а жизненная суть. Я гоблин. И я живуч. Я не брезглив, не высокомерен, я готов годами жрать дерьмо и ждать своего часа, каждый день надрывая жилы по пути к цели. И я дойду.

– Ты описал сурверов...

– Ну нет, – я первым опустился на скамью, чтобы оказаться ниже иссохшей старушки. – Даже не сравнивай ваш разлитый по подземным коридорам хлюпающий жиденький понос с черствыми и жесткими кусками дерьма.

– И все же ты не атаковал нашу машину... не говорю, что у тебя получилось бы... и открою одну малую тайну...

– Да?

– Ты и твои... гоблины... уже бывали на прицеле наших самых метких стрелков, что наблюдают за местностью вокруг лагеря и готовы уничтожить любую угрозу.

– Знаю, – кивнул я. – Я видел вашу высотку. И всей шкурой ощущал, как по мне скользит прицел винтовки... но расстояние было велико. Надо еще попасть. А вот если выстрелишь и не убьешь... я второго шанса не дам. Приду и убью.

– Но ты не напал на машину...

– Хорхе, – повторил я. – Он собрал море инфы на все лагеря и на Форт. И в первую очередь он раздобыл самое неинтересное для меня – сведения по финансам и товарам.

– И?

– Вы самые щедрые, – я пожал плечами и сделал еще один глоток реально неплохого самогона. – Вы никогда не задираете цены на продовольствие. Ваши орехи и фрукты доступны почти любому, и ваши цены всегда ниже, чем у других лагерей. Если бы не перебои в ваших поставках – хрен бы другие лагеря вообще смогли бы что-то продать, если верить инфе Хорхе. Второе – ваше продовольствие качественное. Никаких гнилых орехов и яблок, никаких смятых прокисших груш и пустой ореховой скорлупы. Честный товар за честные деньги. Это касается и продаваемого мяса – оно всегда доставляется во льду, всегда свежее, еще никто не сдох, отведав ляжки жареного кропоса. А вот другие лагерные и независимые охотники часто приносят в Форт для продажи уже чуть ли не разлагающееся мясо...

– Что ж...

– Вы единственный лагерь, кто продает некоторые медикаменты по действительно доступной для обычных мутлов цене. Они не могут себе позволить покупать по паре таблеток каждый день даже у вас, но хотя бы раз в неделю они могут снять боль надолго. День без боли – это немало.

– Мы честные торговцы, – кивнула старуха, мягко забирая у меня бутылку. – И это все?

– Почти. Вы тоже отправляете в системные рейды мутлов... и вы тоже заранее набираете едва живое раздутое бесполезное мясо как смертников. Но...

– Это страшно... и ужасно. Такого не должно случаться... но у нас нет выбора.

– Да. Система диктует свои жесткие условия, и хрен попрешь против – иначе сравниют с землей. Поэтому вы набираете смертников и затем отправляете их на смерть. Но при этом все знают, что именно в Садах Мутатерра смертников начали вкусно и часто кормить, регулярно снабжать болеутоляющими и развлекать. Муты знали, что скоро пойдут на смерть... но при этом они получили хоть немного нормальной жизни. Из-за вашего отношения к смертникам другие лагеря были вынуждены сделать то же самое – иначе хрен бы кто к ним пошел, и пришлось бы отправлять на убой вполне полезных недомутов или даже людов. Вот почему я решил позвать здешних сурверов на честный разговор – вы помогаете обитателям сучьего Мутатерра.

– И для тебя это так важно?

– Важно, – кивнул я и повел рукой перед собой. – Всего вот этого не должно было быть. Воюющие от боли мутанты и недомуты, странная бесконечная грызня в развалинах... от нее нет никакого прока! Здесь нет логики. Я понимаю, когда система устраивает мясорубку для перемалывания зомбо-мяса – это необходимо, ведь холодильники уже не вмещают гнилое мясо. С зомбо-вирусом надо бороться... но здесь? Здесь нормальных гоблинов уколom гребаного ядомута превращают в уродов... за что?

– Грехи прошлого...

– Ну да... бывшие заключенные...

– Ты ведаешь и об этом.

– Но хер его знает, кто и за что был посажен и на какой срок! Охренели?! В далеком прошлом с голодухи трущобник украл старую куртку, получил незаслуженно большой срок в частной корпорационной тюрьме, проплатившей взятки судьям, чтобы те давали сроки побольше – ведь государство платит тюрьмам за каждого зэка... Получая побои, выживая как крыса, он отсидел год, может, два, уже собирался на выход, но тут стерли память, подержали в холодном сне пару сотен лет и... вкололи ядомута, что превратил трущобника в огромную слизистую жопу на ножках... жопу, что каждый миг своей мучительной жизни страдает от боли, а впереди лишь одна перспектива – отправиться в самоубийственный рейд на сраный Дублин, где тебе наконец-то прострелят заполненную гноем башку и ты получишь вечный покой...

– Мутатерр ужасен... и несправедлив.

– А должно было быть иначе! Все не так! Даже здесь! – с шумом выпустив воздух сквозь сцепленные зубы, я взял из протянутого старой сурвершей стального портсигара сигариллу, подкурил от зажигалки из того же материала и, глядя на неровную гребенку заброшенных зданий, сказал: – С этим надо разобраться. Со всем этим дерьмом.

– Ты он?

Этот вопрос заставил меня прерваться и в свою очередь уставиться на настолько серьезную и настолько напряженную старуху, что она аж заостенела и я вроде бы слышу хруст ее позвонков.

– Кто он?

– Что ж...

– Кто он? – уже куда требовательней произнес я.

– Позволь пригласить тебя на ужин в Сады Мутатерра, гоблин Оди... Сегодня вечером...

– Нет...

– Я обещаю и гарантирую полную безопасность...

– Ты не поняла. Сегодня вечером у меня дела здесь. Завтра с утра дела в Мутатерре. Но эти дела я могу делать по направлению к вашему лагерю. И если накроете сытный стол для трех десятков голодных гоблинов...

– Накроем, – уверенно ответила сурверша и поднялась с лавки.

– С мясом! Соевые тефтели жрите сами.

– С мясом, – кивнула старуха. – Все будет. Так ты точно не он?

– Кто «он»?

– Не он, – вздохнула она. – Иначе ты бы знал.

– Не зли меня, бабка.

– Я не вправе говорить о многом. Хоть убей... но я не вправе. Я одна из вольноотпущенных старейшин Садов Мутатерра и нахожусь здесь наверно шестой год.

– Вольноотпущенная?

– Как ты и сказал, Оди – система ненавидит сурверов. В нашем малом убежище мы жили впроголодь, с трудом выращивая самое необходимое. Только получив доступ к поверхности – к Мутатерру, что раскинулся над нами – мы стали выращивать больше еды. Отсюда и перебои в поставках в Форт – нам надо кормить голодающих сурверов. Вольноотпущенных всего семь. Я одна из них. Мы совет старейшин и пытаемся руководить лагерем мудро и справедливо. Не мне судить, как получается... но мы стараемся. Вольноотпущенный – это титул того, кто выигрывает в редкую лотерею, что разыгрывается в убежище после смерти одного из семи верхних старейшин. И в лотерее могут принять участие лишь те из сурверов, кто уже прожил семь раз по одиннадцать лет.

– Семь по одиннадцать?

– Те, кто прожил минимум семьдесят семь лет под землей. Мне восемьдесят шесть лет, гоблин Оди. И я вытянула выигрышный билет в лотерее, когда мне исполнилось восемьдесят. И тогда же я впервые увидела солнце...

– Фальшивое солнце...

– Что ж... из одной скорлупки – в другую, но побольше и посветлее. Другим не повезло куда сильнее – почти все мои ровесники уже умерли и погружены в грибной компост, так и не увидев ни разу легендарного Мутатерра...

Ничуть не впечатленный, я пожал плечами:

– Что сказать? Все сурверы настоящие везунчики.

– Везунчики?! Прожить всю жизнь под землей!

– А ты бывала в Жопе Мира, старая? – поинтересовался я. – Ты таскала ведрами серую слизь? Видела, как система отхерачивает руки и ноги гоблинам, что не смогли оплатить аренду конечностей?

– Что?

– Вы долбанные счастливики, – повторил я. – Знай это. Но... что-то не вяжется...

– О чем ты?

– Недавно я уже видел молодых сурверов. И убивал их. У Каменного Коротыша. Те, кого я накрыл выстрелом гранатомета, никак не походили на почти восьмидесятилетних стариков...

– Луска! – старуха выплюнула это слово с нескрываемой злостью. – Ублюдки Мутатерра! Луска! Не зря они назвали свое убежище таким мерзким словом! Пираты есть пираты! Даже спустя века и оставшись без океанов, они не меняются!

– Луска? – повторил я.

– Они назвали себя страшным монстром, что топит корабли... и вполне оправдано. У них другие системные условия, Оди... и я не знаю, почему им так благоволят... Завтра в обед. Я приложу все силы, чтобы убедить остальных старейшин рассказать тебе все без утайки. Мы не хотим войны. И никогда не хотели. Мы мирное малое убежище, что с огромным трудом выживает как может, стараясь никого не обидеть. Не смешивай нас с кровавой грязью Луски!

– Название вашего убежища?

– Сан-Симон...

– Завтра в обед, – кивнул я, поднимаясь со скамьи. – Может, позже или раньше. Я приду, и мы поговорим.

* * *

Чуток поспавший Рэк сменил Ватруху на его посту, рядом с орком уселась Ссака, и они оба принялись отрываться по полной программе, яростно споря друг с другом по любому поводу, назначая щедрые награды за ходки с колесной осью, успевая уделять внимание начавшимся прямо перед окном барака боям и дружно издеваясь над проигравшими и нокаутированными. Особенный смех у Рэка вызывали лопнувшие вздутия на телах надрывающихся мутлов, а Ссака заходила в хохоте, глядя, как очередной слабак получает вывих или перелом. Получившие от меня вечер отдыха гоблины отрывались, глумились и не забывали парировать любые возмущения мутлов и недомутов одними и теми же ответами: «Не нравятся сучьи опухоли или распухшие конечности, животы, головы и жопы? Так вступай в ряды гоблина Оди и иди с нами до конца!».

А что там в конце?

А в конце опухолей и уродства не будет. Перестанете быть мутами и недомутами.

Как это?

А вот так. Вступайте в отряд Оди – и либо сдохнете по дороге, либо наконец пройдете промежуточный этап и завершите призмацию, превратившись в реально крутых ублюдков.

Как-как? Что завершим?

На этом объяснения заканчивались, и дальше в ответ следовали лишь матерные послы крайне далеко или глубоко. Парочке особо уязвленных такими послыками недомутов, что буквально потребовали дать им полный ответ, ибо они вправе знать, удивленный такой смелостью орк чуток подправил рожи своими кулаками. Но без зверства. Орк и наемница четко следовали моим указаниям, получая от этого невероятную дозу веселья.

Как результат, истории о призмации, трансформации, промежуточном итоге и реально крутых ублюдках начали распространяться по не столь уж и великой территории Форты как пожар в мертвом буше. Я помню то стремительное веселье... подгоняемый почти ураганным ветром верховой пожар мчался на высоте полутора метров от жидкой соленой грязи. Хочешь жить – ползи по ноздри в разъедающей кожу грязи и почаще ныряй. Поднимешь голову – зажарит мозги к херам. Но только обрадованные тамошние беженцы решили воспользоваться ползучей тактикой, как ветер резко утих, и пожар начал закручиваться в гигантский огненный смерч, быстро высушивая грязь, спускаясь по подсохшим стволам вниз и тянясь к уже запекшимся заживо трупам...

Я ожидал как раз этого – разойдись как от ветра по всему Форту, пылающие слухи начнут закручиваться, превращаясь в воюющий торнадо, чей рев проникнет в каждый еще способный думать мозг мутанта. Эта ночь для многих станет бессонной. И уже завтра с утра вполне можно рассчитывать на приток свежего фарша... Тут главное всего лишь чуть-чуть подтолкнуть рукоять слегка заклинившей мясорубки и вовремя подставить тазик...

Усевшийся рядом со мной Хорхе выглядел усталым. Бросив почти безразличный взгляд на опять расстеленную поверх низкого стола карту исследованного Мутатерра, консьюеры крутнул крышку и вскрыл холодную бутылку пива. Секунд десять он глядел на весело поползшие к горлышку пузырьки и лишь затем сделал два первых огромных глотка.

– День был тяжелым, команданте, – признался Хорхе, даже не пытаясь сделать вид, что ему все нипочем.

– Успел все сделать?

– Куда там! Посплю пару часов и снова в дело...

– Я про твои беседы с жителями верхних этажей Форты...

– А... да, лид. Беседы успешны.

– Рассказывай, – кивнул я, медленно ведя пальцем по извилистому пути, что шел от Форта на север. – Чего они хотят? Сундуки?

– Конечно. У них скопилось немало ключей...

– А их собственные бойцы?

– Есть, – кивнул адъютант. – У каждого их тех, кто пришел на крышу поговорить с нами за жизнь, есть свой личный надежный отряд или скорее боевая группа. Я видел некоторых. Автоматическое оружие, неплохая экипировка, серьезные рожи... большинство из людов, хотя есть и пара опасных на вид недомутов. В общем, каждая из этих групп вполне может рискнуть в вылазке к сундукам. Особенно если есть техника.

– Но?

– Но они не хотят отправлять в поход личную гвардию, командир, – отхлебнув еще пива с уже виденной мной маркой Бункерснаба, Хорхе утер рот и покачал головой. – Дебилы... они скупают карты-ключи, буквально сидят на них, заодно покупая оружие и снаряжение, обучая бойцов... но никуда их не посылая. Они боятся, лид. Но боятся не гибели отряда, а...

– А других своих улыбчивых друганов с той крыши, – кивнул я. – Ветераны боятся покинуть свои крепости. А то вдруг возвращаться будет уже некуда? Или встретят возвращающихся плотным огнем на поражение...

– Насчет крепостей – в точку, лид. Каждый из них владеет своей частью Форта Славы. И я тут заглянул, так сказать, под половую тряпку и за пару ковров... тут везде тараканья возня. Один пытается подсидеть другого. И при этом эта четверка не пускает на вершину власти новичков. Ты учти это, лид. Мне уже обронули пару предупреждающих словечек и посоветовали быть очень осторожными. Нас используют, а когда надобность отпадет...

– Ну да, – улыбнулся я. – Будто и не было стирающего память холодного общего сна. Все, сука, по старой испытанной за тысячи лет модели...

– А может, это дерьмо у нас в крови, лид?

– Может и так, – согласился я. – С этим мы разберемся позже. Их условия?

– Каждый из них даст по три-четыре карты ключа. Ключи не ниже семерки. Направление выбираем мы. Выгребаем все из взрывных сундуков и доставляем сюда. Такая вот миссия...

– А в чем их уверенность, что мы не обманем? Ведь никто заранее не знает, что будет лежать в сундуке.

– Точно. И поэтому от каждой четверки с нами отправится по одному их наблюдателю. В бой не вмешиваются, в рискованные дела не лезут, ждут полной зачистки местности, после чего самолично вскрывают сундуки и записывают на камеру их содержимое. Потом грузим.

– Охренеть...

– Это да... хитрые дерьмоеды... И за все эти хлопоты они предлагали по пятнадцать процентов содержимого каждого сундука, плюс не нам первыми выбирать. То есть они выгребут понравившиеся им восемьдесят пять процентов, а мы заберем остальное. При этом все расходы по потраченным патронам и прочим расходникам их не касаются.

– Как быстро ты послал их нахер?

– Мгновенно, команданте, мгновенно. Потом началось ожидаемое. И торговались мы почти час. Итог – тридцать процентов с каждого сундука наши, но не мы выбираем первые. Тут их уломать не удалось. Но за такие жесткие – на мой взгляд скромного лесного паренька – условия я потребовал у них пару рабочих солнечных панелей, две сотни картечных патронов, десяток гранат и двадцать коктейлей Молотова на первую миссию. Большого выторговать не сумел, хотя и пытался. Но после первого рейда за чужими сундуками многое изменится...

– Ага... Когда выступаем?

– В шесть утра. Время я назначил. Решил, что чем раньше...

– Все правильно, гоблин. Ты в курсе, что в этот раз остаешься здесь?

– Так точно.

– Но в следующий рейд ты со мной, – предупредил я. – И одна из твоих пока несуществующих бригад. Чтобы жопы не расслаблялись слишком сильно.

– Мне только в радость, команданте. Какое направление?

– К Садам Мутатерра и дальше в ту же сторону, – ответил я и опять повел пальцем по карте, пока не наткнулся на первую цифру «7». – Этот ближайший. Как часто перезаряжается их содержимое?

– От часа до двух. Иногда раньше. Иногда позже. Нет четкого графика.

– Либо тактика... либо сбой, – пробормотал я. – Кто из этой четверки особо сильно возбужал, когда я оставил тебя, а сам ушел?

– Кон. Тот, в белой рубашке и с задранным носом. Он никак не мог успокоиться. Ему подпевала Чинеза. Они на пару еще долго бухтели про наглость чужаков, про неуважение, несоблюдение установленных важнейших традиций...

– Их придется убрать, – кивнул я. – Самые традиционные упырки – самые проблемные. Как сучий чай...

– А?

– Ты видел, как Каппа себе чай заваривал там, в Заповедных Землях?

– Не обратил внимания...

– Долго это было! А по итогу – тот же, сука, чай! Пакетик современного чая бросил в кипяток, размешал и выпил. Быстро и нормально. А все старое и традиционное требует долгих ритуальных долбанных плясок, включающих облизывание глиняного чайничка, чтение пропикновенных стихов, любование пятнистой жопой луны и выливание первой самой крепкой заварки... И попробуй что сделать не так, пропустить один шаг – все... трагедия, мать твою! Все испорчено! Понял?

– Си-и-и-и...

– Допивай пиво, Хорхе. И вали спать. Завтра у тебя тяжелый день.

– Си, сеньор.

– И в одного больше по Форту не ходи. Таскай с собой пару амбалов. Возьми того же Тяжеловеса. И красивую полураздетую гоблиншу с томным взглядом, но чтобы умела стрелять и попадать.

– Где я такую возьму? Ссака меня сразу нахер пошлет...

– Ссака мне завтра самому нужна, – проворчал я. – Найди себе другую.

– Да где?

– Поищи! Я же Ссаку нашел. Где-нибудь да валяется еще одна...

– Поищу...

– Поищи, – кивнул я, в тысячный раз скользя взглядом по карте Мутатерра и не забывая заучивать расшифровку отметок.

Я должен знать эти развалины наизусть...

Глава третья

За это утро мы сделали три ходки в Мутатерр, выполняя задания с электронной доски объявлений. Не могу отрицать процент везения – все три раза доска, будто предугадывая мои желания, предоставила неплохой выбор системных поручений по уничтожению монстров, сбору непонятной фиолетовой травы, соскребанию слизистой белой массы с подвальных стен странноватого здания-свечки и... что меня добило больше всего, а Ссаку довело до истерического хохота, мы получили три щедро оплачиваемых задания по сбору когтей и клыков взрослых кропосов зерноедов.

Охренеть...

Сорок восемь неповрежденных когтей...

Шестнадцать неповрежденных клыков.

Какого мутатеррного дьявола?!

Куда катится этот долбаный мир?!

Отсмеявшаяся Ссака повела свой разросшийся до девяти недомутов выводок на охоту. Они шли параллельно нам, прочесывая соседний ряд зданий. Они первые прикончили вымахнувшую на них стаю кропосов, обойдясь без потерь и ранений. Но следом появились и кровь, и зубные потери – я с неким даже удивлением глянул, как Ссака ласково приподняла одному из недомутов забрало шлема, а затем выверенным ударом вышибла тому пару зубов. Позднее, уже в Форте, я выяснил, что этот недомут успокоил лейтенанта заверением в том, что у кропосов клыков полна пасть. Как выяснилось – хер там.

У каждого из кропосов оказалось по шесть клыков в уродливой пасти. Резцы, зацепы, окрайки и прочая зубная хрень не принимались. Только когти и клыки. Так что лживый недомут лишился пары своих клыков – невелика цена. Ссака могла и яйца отрезать за такую подставу.

Во вторую ходку опять обошлось без жертв, и все сделали в полтора раза быстрее.

В третью ходку потеряли шестерых. И я не был удивлен. У новичков быстро размывается боевой фокус. И столь же быстро проявляется странная гребаная вера если не в собственную неуязвимость, то в почти бессмертность уж точно. Умиротворенные отменным заработком – по их понятиям – туземные гоблины расслабились, опустили стволы дробовиков, а к этому всему еще и начали проявлять удивительную самоуверенность, что полностью вытеснила недавние трусливость и боязнь каждого шага. Ожидаемо. Вырвавшиеся из незамеченных нами проходов в руинах обрушившегося здания кропосы за считанные секунды собрали кровавый урожай. Уйти тварям не удалось, но четверо из шести атакованных уже были мертвы, еще двое истекали кровью, дерьмом и едва слышными мольбами о спасении. Через пару минут умерли и они.

Я собрал вокруг их тел все три отряда, молча подождал, давая всем вдоволь насмотреться на изорванные тела друзей и на пока еще клыкастые пасти дохлых монстров, после чего парой жестов отправил два отряда дальше, а мой отряд остался, чтобы дотащить до Форта мертвые тела и туши тварей. Закончив с похоронами – глубокие могилы на местном кладбище и никаких поминальных речей – я передал усталых недомутов в руки Хорхе, а сам пополнил боезапас, переговорил о делах и, ускорившись, в одиночку догнал два ушедших вперед отряда. По пути трижды делал засады, не ленись делать крюк и возвращаться чуть назад, чтобы провериться и убедиться, что за мной нет хвоста. Отряды я отыскал в условленном месте – здание с одиноким сундуком с цифрой 4. Пока меня не было, Рэк успел его вскрыть, а затем они стали свидетелями перезарядки – пузатый старый дрон доставки прибыл через час с небольшим. Мы потратили еще одну перфорированную карту и стали обладателями шести пачек патронов шестнадцатого калибра, десяти блистеров слабого обезбола «Кетабум Нью» и двадцати банок свиной тушенки «Экстра-Фэт-Фэт-Ням». В первое открытие Рэк урвал примерно то же самое

– только двенадцатого калибра. Как ни крути, а тут невероятный перекося по боеприпасам – картечь, дробь, редко пулевые, но все равно патроны для дробовиков. Оружие выдается по тому же принципу, так что тут все совпадает, но меня уже воротит от вида переломных стальных дробовиков простейшей вечной конструкции. Дайте пулемет, суки! Дайте! А лучше два...

Даже не сверяясь с выученной наизусть картой, я повел объединившиеся отряды дальше. Вести пришлось так, чтобы за нами смогла пройти взятая с собой техника. Пройдя насквозь малый однотипный жилой квартал, который, судя по стилю и расположению зданий, раньше представлял собой отдельный плавучий жилой блок для рабочих на подводных фермах, мы оказались на месте, о чем сообщила выложенная на стене серой строгой высоты мозаичная гигантская фигура седобородого старика с нехорошей улыбкой. Растегнутая красная длиннополая армейская утепленная куртка, того же цвета берет под прозрачным шлемом, уходящие в большой красный армейский рюкзак шланги, бурые штаны заправлены в сапоги со стальными шипастыми подошвами, в правой руке солидного калибра автомат с укороченным прикладом, в левой тесак с белыми потеками на лезвии. Над головой деда тянется многообещающая надпись «Новый год принесет куда больше г...». Снизу надпись чуть позитивней: «Лучший подарок – бесплатный полет на Марс! База Россогора «Мирный-7» ждет тебя, доброволец! Пункт вербовки – первый этаж!».

Зайдя за высотку, мы уперлись в мощное основание опутанного растительностью пятинадцатизэтажного здания, выглядящего старым деревом среди молодого мертвого леса. И стоило мне увидеть это здание, как я опять уловил смрадный сурверский запах. Уверен, что эти обычные на вид стены окажутся неоправданно толстыми и без нужды излишне прочными. Все здание кричало – я построено, чтобы выдержать любые невзгоды! На первых трех этажах окон нет вообще – и никогда не было. Узкие двери входа, а над ними столь же узкие щелевидные окна, сделанные по всем правилам амбразур.

Стоило нам приблизиться, и стальные двери приоткрылись ровно настолько, чтобы мог протиснуться рослый гоблин в боевом снаряжении.

– Добро пожаловать, Оди! – теплотой поприветствовавший меня голос не отличался, но умел заинтриговать. – Особое угощение уже ждет тебя и офицеров наверху. Парковка для машин подготовлена. Как и обед для остальных. Вам сюда. Остальным в объезд.

– Я проеду со своими, – буркнул я, возвращаясь на броневик. – Маршрут?

– Туда и направо. Встретят, – дверь мягко прикрылась, послышался столь же мягкий звук запираемых замков.

А ведь мужик грамотно стоял. Пулей я бы его не достал – даже бронебойной. Успел увидеть толщину этой якобы небрежно покрашенной двери. Любой сейф позавидует. Если шарахнуть малым гранатометным зарядом... кого-то за дверью может и посечет, но если там не малый тамбур, за которым точно такая же дверь – то пусть мне выбьют второй клык.

Едва мы обогнули здание, от стены отскочил и замахал руками тощий люд, оставаясь при этом под широким железным навесом. Ну да – чтобы шальная вивера башку не откусила, хотя шансов у нее маловато, судя по вон тем пяти торчащим из окон винтовочным стволам.

Следуя указаниям, мы съехали по чистой бетонке и оказались на подземной парке... хрен знает как назвать то, что раньше было парковкой. Часть пространства сохранили для техники, но было ее предельно мало. Два багги, два пикапа, три прицепа, остов чего-то посерьезней в углу, а рядом небольшая аккуратная ремонтная мастерская. Тут же пустующие места, куда встали мы. Остальное пространство парковки было поделено на десятки отдельных секторов, разделенных дощатыми, пластиковыми и сетчатыми стенами с многочисленными дверями. Насквозь просмотреть не удалось, но я уже видел, что парковка слишком уж большая и намного выходит за внешние контуры высящегося над нами здания. Судя по запаху, тут в подвале у них что-то грибное и вроде как... рыбное? Нет... но что-то из морепродуктов.

Спрыгнув с броневика, я поинтересовался у подбежавшего старикана с рыжеватой бородкой:

– Где тут нас кормить будут?

– Их этажом выше, а вас...

– А нас там же – перебил я его.

– Но в особом зале на самом верху здания для вас подготовлено...

– Нет.

– Вы не поняли, сэр... еда – такая же. Как и питье. Рядовым даже лучше – у них порции побольше. А вот вид на некоторые... важные достопримечательности Мутатерра открывается только оттуда, – мягко продолжил старикан.

Чуть подумав, я кивнул:

– Убедил. Веди... И не вздумайте не добавить мне перловки...

* * *

Войдя в тот самый особый зал, первое, на что я взглянул – заставленный тарелками стол. Тарелки были отнюдь не полными, но лежащая на них еда мне понравилась – я увидел мясо. Подрумяненное жаром углей мясо с несрезанными черными уголками, что так приятно хрустят на зубах...

Потрындеть каждый горазд, а вот правильно накормить голодного боевого гоблина...

Увиденное количество меня не порадовало, и я не стал скрывать разочарования, так сильно скривив рожу, что сухопарый старикан в растянутой и не раз залитой машинным маслом серой рваной футболке понятиливо кивнул и, шагнув от группки встречающих, двинулся к боковым дверям, бросив на ходу:

– Удвоим порции.

– Утройте, – посоветовал я и перевел взгляд на группку.

Все старики. Причем древние. Причем худые. Это сразу бросалось в глаза – у кого-то может и выпирает небольшой живот, но именно что небольшой, крепкий и никак не мешающий движениям. Все подтянутые, несмотря на то, что многие уже начинают горбиться от возраста. Руки крепкие. Удивительно крепкие. Стояли старики легко, а когда неспешно шагнули навстречу, оказалось, что и двигаются они раскованно, и сразу видно – при нужде смогут пройти за раз как минимум десяток километров, да еще и кое-какой груз с собой утащат в рюкзаках.

Что ж... ожидаемо.

Чтобы вырваться из глубин пленившего их бункера мало участвовать в лотерее – что-то я всем своим гоблинским нутром сомневаюсь, что там все честно.

Во-первых, еще надо дожить – а дотянуть до семидесяти семи лет дано далеко не каждому, если в задницу постоянно не вставлен чудотворный шланг от продвинутого медблока. Стало быть, каждый из стоящий передо мной стариков ставил перед собой четкую ясную цель – дожить!

Во-вторых, несмотря на солидный возраст и седину в каждой впадине, этого мало, чтобы выиграть – никому нахрен не нужен выживший из ума старик наверху в Мутатерре. Его отправляют не в солнечный дом престарелых «Сдохни тихо и с улыбкой», а на внешние фермы, где надо впахивать от зари до зари. И поэтому, помимо сохраненной здравости мозгов, понадобятся еще физическая крепость и обязательная деловитость.

В-третьих, нужно быть знающим – иметь обширные и глубокие познания как минимум по основным рабочим дисциплинам и хоть какое-то понимание по второстепенным областям. Значит, помимо основной цели «выжить», все стоящие здесь потратили немало лет жизни на обучение и, возможно, занимались этим с самого детства.

В-четвертых – репутация. Даже крепкий, деловитый, знающий, но при этом алкаш и скандалист может в сжатые сроки обосрать и уничтожить даже самую устойчивую систему. Дай такому шанс – и упырок распатает, а затем и перевернет самую устойчивую лодку... И поэтому сюда пустят только тех, кто гарантировано управляем и сосредоточен на работе, а не на собственном эго.

Продолжать перечисление необходимых качеств можно еще долго – я начинаю вспоминать этапы постройки Формоза и помню, как сильно были востребованы такие качества как дотошность, коммуникабельность, энергичность... Я помню, как вычищал всю ту плесень, что неизбежно появляется в каждом теплом уголке управленческой системы – дай ей только время и возможность и придется раз пять заправлять уже раскаленную паяльную лампу, чтобы хорошенько все вычистить. А сколько вони и визгу...

– Вы понимаете, что говорите все это вслух? – с доброй, но чуть бледноватой улыбкой поинтересовалась старушка с рыжими подкрашенными волосами.

– Ага, – кивнул я, опускаясь на первый попавшийся стул у стола, не став подходить вплотную к тем, от кого несло сурверской неистребимой вонью.

– И говорите с таким выражением лица, что в дрожь бросает... Мы ведь собрались здесь для диалога?

– Для диалога, – снова кивнул я и приглашающе указал на противоположную сторону стола. – Роняйте руководящие жопы старейшин и поговорим.

– Вы уверены, что все будет мирно и мы не выйдем за рамки...

– Хватит, Ксана! – мягко, но предельно убедительно произнес вернувшийся старик в старой футболке с застиранными следами машинного масла. – Никто тебе не даст никаких гарантий. Если у него цель пожрать и убить – он пожрет, а затем перестреляет нас всех.

– Ты останься, – кивнул я старику и перевел глаза на тихо улыбающуюся леди Руху – Ты тоже. Сами выберете еще одного для беседы. Остальные не нужны.

– Жестко и справедливо, – усмехнулся старик и, усевшись напротив, протянул мне руку через стол. – Я Дуэйн.

Глянув на его ладонь, я помедлил несколько секунд, но все же сжал ее лапой. Сжал несильно. Встряхнул разок и отпустил, пробормотав с кривой усмешкой:

– Знал бы ты, кому пожимаешь руку, старый сурвер...

– Кому? – спокойно поинтересовался тот, пододвигая к себе тарелку. – Может, ты тот самый Избранный? Из старого игрового протокола общего напроороченного бытия...

– Старый игровой протокол общего напроороченного бытия, – пробормотала Ссака и тряхнула головой. – Что за дерьмо?

– Глупая, но такая сладкая вера, – тихо рассмеялся Дуэйн, глядя, как остальные из собравшихся торопливо покидают зал, не особо скрывая облегчения.

В-пятых – те, кто могут выиграть в этой странной лотерее, должны всеми силами держаться в стороне от любых конфликтов и угроз. Они должны быть тихими осторожными пресмыкающимися, а не злобно рыкающими львами. Мудрые слизни Мутатерра...

– Ты опять рассуждаешь вслух, чужак, – заметила леди Руха, берясь за бутылку.

– А ты опять борешься с тягой к крепкому алкоголю, старуха, – рассмеялся я.

– Эту битву я проиграла еще сорок лет назад, – парировала та. – С тех пор сурверский бурбон «Маисовый Рай» стал моим лучшим другом.

– Познакомишь с другом? – прорычал Рэк, потирая ладони.

– Тяни стакан, – велела сурверша, и орк с готовностью протянул лапу с пустым стаканом.

– Так что за достопримечательности открываются из этих окон? – поинтересовался я, втыкая вилку в поджаристый кусок мяса и стягивая его себе на тарелку. – Та башня? – освободившейся вилкой я ткнул в далекий небоскреб.

– И она, – кивнул Дуэйн, накладывая себе на тарелку какую-то мешанину из овощей, бобов и орехов. – Леди Руха дала нам четко понять, что ты из тех, кто сразу переходит к делу и требует максимально полных ответов. А еще она сказала, что ты из тех, кто действительно всегда готов заправить и зажечь паяльную лампу, чтобы получить эти самые ответы. А твой монолог доказал правоту предположений леди Рухи... и показал твои глубочайшие познания во многом. Кто же ты такой, чужак Оди? Кому я пожал руку и с кем сижу за столом? Ты точно не из сурверов...

– Я из тех, кто в свое время пытался вытравить и выжечь всю сурверскую заразу умирающего мира, – отозвался я, медленно ведя отточенным ножом и глядя, как легко расходуется под его нажимом сочная поджаристая плоть. – В далекие времена я выискивал подобных вам везде, где только мог. Я тысячами отправлял вас на стирание памяти и на заморозку... А если найденные убежища не покорялись...

– Ты ведь не шутишь... и не набиваешь себе цену...

– Ты из размороженных или рожденных в бункере?

– Размороженных... как удивительно... ты точно не Избранный?

Я рассмеялся и по подбородку потек красноватый мясной сок.

– Нет такого дебила, кто бы меня избрал хоть для чего-то. Если только он не самоубийца, что мечтает сдохнуть особенно мучительно... Ты не ответил, Дуэйн.

– В Сан-Симоне нет и очень давно не было тех, кто очнулся от холодного сна. Но мы их потомки. Вот уже больше трехсот лет мы выживаем там, под твердью Мутатерра, в бункере, что никогда не был предназначен для столь долгой автономии. Сто пятьдесят лет – вот вся наша планировавшаяся автономия. Но наши предки сумели в разы увеличить нашу жизнеспособность. Строжайшая экономия, исследования, открытия технологические и биологические, пусть локальные, но все же настоящие прорывы в медицине... просто удивительно, чего могут добиться здравые умы, что поставили перед собой цель спасти жизни потомков... Сан-Симон жив... а с пусть ограниченным, но все же доступом сюда, в Мутатерр... у него все шансы прожить еще немало лет...

– Просуществовать, – буркнула Ссака, отправляя в рот сочащийся кусок мяса. – Это, сука, не жизнь...

– Для нас – жизнь, – мягко произнесла леди Руха, и в ее слова вместились удивительно много горечи. – И для наших детей...

– Не знаю, с кем из сурверов ты воевал, чужак Оди, но мы точно не из их числа, – продолжил Дуэйн. – Мы сурверы, признаю. Но все мы – дети аграрной корпорации Сан-Симон. Мы дети плавучих и подводных ферм, что либо медленно дрейфовали, либо лежали на дне – там, где умирающий океан еще мог поддерживать хоть какую-то жизнь. Согласно нашим историческим хроникам – полную их цифровую копию я могу передать тебе уже сегодня...

– Передай, – кивнул я.

– Согласно нашим хроникам, руководство Сан-Симон прониклось сурверскими идеями и приняло решение вступить в глобальную организацию Сурверов. Мы стали частью одного из южных филиалов. И в обмен на немалые суммы и продовольствие корпорация получила необходимые сведения и технологии для постройки малого бункера под одним из наших жилых плавучих островов. Также мы на время получили сурверских специалистов, которые обучили наших предков всему необходимому. Благодаря всему этому бункер до сих пор жив и расположен почти под нами – даже это здание некогда принадлежало корпорации.

– Это я уже понял. Стены, окна, общий вид и планировка...

– Все выстроено в точности по полученным чертежам... надземный форпост укрытого под землей бункера. Вот только вокруг нас должен был плескаться океан...

– Он и плещется, – буркнул я, переводя взгляд на окно. – Вы недооценили масштабы и свою позицию, старик. Вы... вы просто одно из парковочных мест перетасованного внешнего

обода глобального убежища Формоз, что управляется спятившей зомбо-суко-ведьмой и почти ничего уже не решающим искусственным разумом, известным как Управляющая. У нее даже есть пара имен... но она все равно машина... Со всех сторон вас окружают другие острова... большая их часть принадлежала Россогору.

– Россогор! Все же наши предположения подтвердились! – Дуэйн, растеряв невозмутимость, жадно подался вперед. – Россогор был частью сурверской организации!

– Примкнул к ним на поздней стадии и точно ради своих тайных интересов. Но Россогор имел дела со всеми сильными игроками – в том числе и с Алоха Кеола, – кивнул я. – Да... Но вы...

– Мы никак не относимся к Россогору! Повторюсь – мы...

– Потомки мирной аграрной корпорации. Ну да... – буркнул я и вонзил вилку в следующий кусок. – Где там добавка?

– Уже готовится. А леди Руха готовит копию наших хроник, – Дуэйн кивнул на старуху, что неспешно перебирала папки в лежащем перед ней старом планшете в защитном чехле. – Есть куда?

– Есть, – порывшись в лежащем у ноги рюкзаке, я выложил на стол почти такой же планшет.

– Что ты знаешь о Мутатерре, Оди? И о Формозе?

– Вы и сами знаете почти все, – ответил я, опять сосредоточившись на еде. – Вы внутри глобального умирающего убежища. Зона Мутатерр.

– Убежище в убежище... матрешка в матрешке...

– Что?

– Начинаю передачу данных, – оповестила леди Руха и, ткнув пальцем в пиктограмму, другой рукой подняла стопку с самогоном. – Рэк? Ты еще пьешь?

– Всегда! – сипло рыкнул орк, с трудом проглотив огромный кусок мяса. – Глистов надо поить...

– Иначе черви станут слишком злыми, – согласилась старуха. – За мир в заднице! Больше вина!

– Руха, – укоризненно пробормотал Дуэйн, но его проигнорировали, и он опять повернулся ко мне.

Некоторое время мы наблюдали за ползущей по экрану моего планшета шкалой загрузки данных, а затем он снова заговорил:

– Мы не единственное убежище на просторах Мутатерра...

– В этом секторе Мутатерра, – поправил я его, на пару секунд прикладывая к глазам бинокль и вглядываясь в поросший зеленкой далекий и не слишком высокий разделительный горный хребет. – Ты про бункер Луска?

– О да... Они... они совсем иные, Оди... Вынужденно иные.

– Вынужденно иные? – повторил я, берясь за стопку. – Вот это уже интересно... поясника...

– Старый игровой протокол общего напрощенного бытия, – повторив эти уже слышанные мной слова, старик развел руками. – Протоколы бытия – наши главные законы. Они пришли свыше. И только следуя этим протоколам мы получаем свои бонусы. Наша наземная база, весь лагерь Садов Мутатерра – по сути и есть главный и самый драгоценный для нас бонус.

– Я не въехал.

– Сан-Симон – аграрный бункер, а мы все потомки мирной корп...

– Это я уже слышал!

– погоди. Прояви немного терпения, солдат, – вздохнул Дуэйн, и я, вглядевшись в его окруженные сеткой глубоких морщин глаза, медленно кивнул. – Благодарю. Протокол бытия

– это, по сути, список того, что мы должны делать и чего не должны, что мы получим и чего не получим по системным и иным каналам. Например, нам запрещено нападать на другие сурверские бункеры. Представляешь? Первый же пункт священного для нас протокола гласит – Сан-Симон есть мирный бункер, что стремится к мирному сосуществованию с остальными оплотами жизни в выжженном атомным огнем мире... так и написано! А дальше черед подпунктов, где четко указывается наша постоянная позиция. В случае нападения на нас мы имеем право дать жесткий отпор, но мы не вправе формировать атакующие боевые отряды. Пункт второй – мы всем довольны.

– Как-как? – переспросила Ссака. – Чем вы довольны, ушлепки?

– Текущим бытием, – спокойно улыбнулась леди Руха. – Протокол бытия определяет наше мировоззрение. Если верить ему – жители бункера Сан-Симон полностью довольны своей судьбой и настроены на то, чтобы и дальше жить внутри спасительного убежища.

– Дальше идут подпункты, – подхватил Дуэйн. – И они определяют немало правил... мы не имеем право осуществлять исследовательские экспедиции по Мутатерру, нас вообще, мол, не интересует происходящее вокруг. Лишь самые старые и уже прожившие свое сурверы могут покинуть убежище для основания защищенной фермы... Мы опутаны сетью нерушимых законов, Оди. И лишь однажды наши предки нарушили эти правила...

– И?

– Старый лагерь был разрушен. Все старейшины на поверхности были убиты. А нас заперли на сто с лишним лет – в наказание.

– И Сады Мутатерра?

– Основаны недавно... и осторожно. Мы усвоили прошлый урок и больше не рискуем нарушить правящий нами игровой протокол бытия.

– Почему ты постоянно повторяешь слово «игровой»?

– Так указано. А еще указано, что мы все участвуем в некой огромной игре, причем у каждого участника свой протокол. У нас все просто – мы просто должны выживать и сидеть на месте. Неплохо... Бункеру Луска повезло куда меньше...

– А они?

– Ублюдки Мутатерра. Агрессоры, – вздохнула леди Руха и прикрыла лицо ладонью. – Мы ненавидим их... и жалеем их... а еще мы ждем своего часа... Когда уже почти дожатые Луской погибнут... они переключатся на нас. Мы рады поболтать с тобой, Оди... ведь очень скоро лагерь Сады Мутатерра перестанет существовать, а подземное убежище будет осаждено и подвергнется непрерывным атакам до тех пор, пока ублюдки Мутатерра не прорвутся внутрь и не уничтожат нас...

– Еще несколько месяцев, – кивнул помрачневший Дуэйн, вставая и принимая от подошедших большое блюдо с мясом. – Может, полгода. Хотя как нам быть уверенными, если вся наша разведка заключается в наблюдении через бинокль из окна этого самого зала? Дроны летают... небесные глаза смотрят... никто из сурверов Сан-Симона не имеет права на исследование или разведку. Мы подземные фермеры – и этим все сказано.

– Закончили рыдать? – поинтересовался я, глядя, как Ссака наливает мне из другой бутылки.

– Закончили, – вздохнула Руха. – Эй! Рэк!

– А?

– Пьем!

– Пьем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.